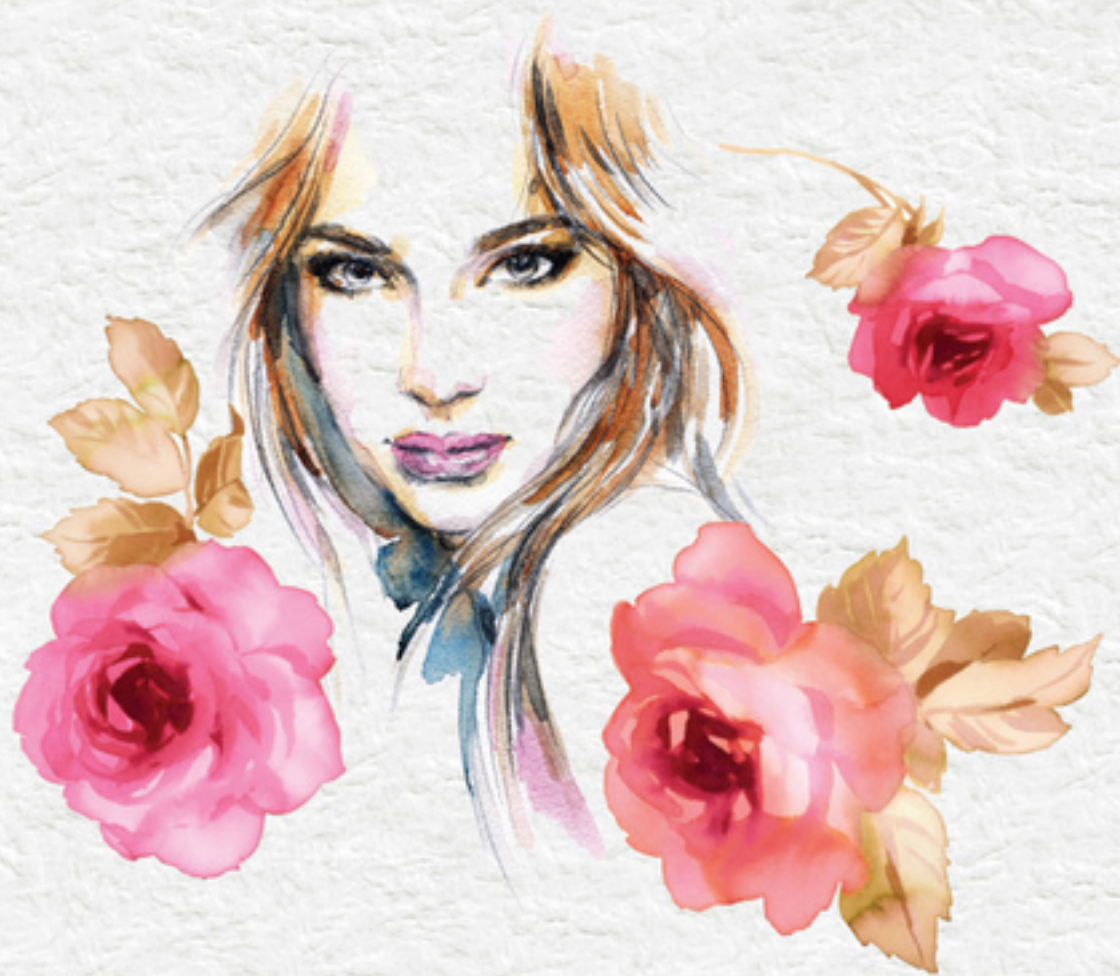

*Ирина
Степановская*

*Дженпльменов нег –
и привет Джону Фаулзу*

Ирина Степановская

**Джентльменов нет – и
привет Джону Фаулзу!**

«ЭКСМО»

2006

Степановская И.

Джентльменов нет – и привет Джону Фаулзу! / И. Степановская —
«Эксмо», 2006

ISBN 978-5-699-64141-3

Джон Фаулз, большой любитель психологических загадок, написал роман, одним из важных вопросов которого является сочетание счастья и свободы. Герои романа Ирины Степановской тоже оказываются перед этой проблемой. Следует ли женщине останавливаться на той роли, которую предлагает ей общество? Должен ли мужчина непременно быть мужественным, чтобы являться источником счастья для своей подруги? Три женщины – бывшая домохозяйка, учительница и журналистка – должны сделать свой выбор.

ISBN 978-5-699-64141-3

© Степановская И., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

1	5
2	12
3	16
4	27
5	35
6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ирина Степановская

Джентльменов нет – и привет Джону Фаулзу

Всем бы хотелось, чтобы я сидела дома, пекла оладьи и подавала чай...

Хилари Клинтон, сенатор, жена экс-президента США Билла Клинтона

Одним из самых нелепых представлений, унаследованных нами от эпохи Просвещения XVIII века, является мнение, будто бы в начале развития общества женщина была рабыней мужчины. Женщина у всех дикарей и у всех племен, стоявших на низшей, средней и отчасти также высшей ступени варварства, не только пользовалась свободой, но и занимала весьма почетное положение.

Фридрих Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства

1

Осенней ночью, с любопытством заглядывающей в окна тех московских квартир, обитатели которых не имеют привычки спать даже в поздний час, молодая женщина увлеченно работала, сидя за компьютером. Кому известно, как выглядят съемные квартиры в панельных домах бывших рабочих окраин, тому не надо описывать их убранство. Те же, кто не знает этого, могут представить, что в таких квартирах не бывает удобной и нескрипучей мебели, китайских ваз по углам, дорогих картин на стенах и персидских ковров на полу. Если и присутствует затертый пейзажик в грошовой рамке где-нибудь в коридоре, то, как правило, с целью утилитарной – закрывает собой дырку в старых обоях. Зато о вкусе и занятиях временных хозяев этих жилищ могут свидетельствовать другие детали. В нашем случае не следует думать о пыльных бутылках по углам комнаты, о разобранном пулемете в шкафчике под окном кухни или, на худой конец, о трупе, замурованном в стене туалета. Нет, в описываемом нами помещении наблюдались лишь мирные предметы обихода. Детские игрушки – машинки без колес, паровозик со сломанными рельсами, стрелы без лука и колчан для них – были разбросаны на полу и полках старой стенки. Кудрявый рыжий женский парик с длинными волосами валялся в единственном в комнате вытертом низком кресле. Глянцевые журналы с помеченными цветным фломастером страницами грудой были навалены в углу. Полноправными хозяевами на полках были книги – издания большей частью совершенно потрепанные, на первый взгляд несочетаемых авторов – разных эпох и разных стран – Фридрих Энгельс соседствовал с Сэлинджером и Максом Фришем, рядом стоял Джон Фаулз.

Современный компьютер, по-деловому расположившийся на порядке облезлом письменном столе, совершенно не вписывался в этот интерьер, зато, по-видимому, был вещью, необходимой хозяйке. Судя по тому, с какой быстротой ее пальцы сновали по клавиатуре, женщина занималась интересным и важным делом.

Заклучив в кавычки последнее в строке слово, молодая женщина откинулась на спинку кресла и перечитала написанное. После чего отодвинулась от монитора и потерла ладонью лоб.

«Лиза, давно пора тебе спать!» – сказала она самой себе, потянулась и выключила компьютер. За окном чернела московская ночь – окна в доме напротив уже давно были темны.

Стараясь не шуметь, Лиза прошла в соседнюю комнату, не включая света, склонилась над разобраным диваном, на котором спал ребенок – мальчик лет четырех. С улицы в окно попадал неясный свет фонаря. Ветер срывал с деревьев желтые листья, и дождь настойчиво барабанил в стекло. Тем не менее в комнате было тепло и довольно просторно. Ребенок на диване сбросил с себя одеяло. Одна из штанин его пижамы задралась до колена, обнажив пухлую голень. Женщина поправила пижаму, укрыла сына одеялом. Мальчик не проснулся, но, почувствовав привычную заботу матери, перевернулся на бок и уютно засопел.

«Не хочу ни мыться, ни мазать кремом лицо, ни расчесываться! – подумала Лиза. – Только спать. Спа-а-ать! Спа-а-ать!» С этой блаженной мыслью она осторожно легла к ребенку под одеяло, обняла его по-щенячьи круглый живот и с наслаждением затихла.

И было еще несколько квартир в огромном ночном городе, жизнь в которых так или иначе переплеталась с жизнью хозяйки только что описанной квартиры.

В одном хрущевском доме на первом этаже в маленькой спальне малогабаритной двушки как раз в это же самое время вела серьезный разговор со старшей дочерью другая женщина, пышноволосяя и пышнотелая, похожая на светлый цветок лугов и полей – анемон, имеющий латинское название «пульсатилла пратензис». Пушистый, с нежными лепестками, но стойко переносящий и жару, и холод, имеет этот цветок крепкий корень, прочно сидящий в земле. Как женщина, поплачет он на заре каплями чистой росы, умоется холодным дождем, поклонится ветру – и встает, опять полный жизни под первыми же лучами выглянувшего солнышка. И под северной скудной его лаской тут же распушит свои лепестки, засияет чистым голубеньким цветом. С одного, состоявшегося тысячу лет назад урока ботаники несла по жизни давно уже взрослая Татьяна, мать двух дочерей, свое забавное и давно ей привычное прозвище – Пульсатилла.

И была в этом городе еще одна квартира – новая, просторная, прохладная, как все недавно заселенные квартиры. И в ней тоже не спала в этот поздний час еще одна героиня из описываемой нами истории – Нина Воронина. Она трудилась над сложными математическими подсчетами, необходимыми для завтрашней работы небольшому коллективу сотрудников коммерческой аналитической фирмы. Спать Нина совершенно не хотела. Может быть, сыграл свою роль крепкий кофе, которого она выпила целый кофейник, а скорее всего – интерес к необычному решению сложной проблемы. Закончив работу, Нина не стала торопиться укладываться в постель. Некоторое время она еще постояла у незашторенного окна, посмотрела на видимый как на ладони с ее двадцать седьмого этажа ночной город, полюбовалась на намеченный огнями изгиб черной реки. Потом она вымыла посуду (чашка, ложка и маленькая тарелка из-под творожной массы), наполнила ванну, насыпала в нее ароматической соли и погрузилась в воду. Никакой бессонницы у Нины не было: чуть позже, как только улеглась в кровать, она тут же уснула, как засыпают усталые, но здоровые люди. Если и беспокоила ее одна мыслишка, то была она вполне привычной и весьма распространенной среди женщин возрастом около сорока лет. Мысль эта была столь же навязчивой, сколь и невыполнимой. По ночам она появлялась с регулярностью маниакальной, а озвученная казалась скучной и даже банальной в своей простоте. Не думайте, читатель, что мысль эта была о любви! В общем, без дальнейших отступлений она звучала так: «С завтрашнего дня нужно обязательно сесть на диету!»

Как по команде, ранним утром, практически в одно и то же время, во всех трех квартирах звонили телефонные звонки. Нине Ворониной позвонил ее бывший муж Кирилл.

– Не разбудил? – поинтересовался он.

– Не разбудил. Подожди, подойду сейчас к другому телефону. – Нине ужасно не хотелось отрываться от завтрака, поэтому она взяла переносную трубку и вернулась за стол. Удерживая

трубку плечом, женщина с удовольствием намазывала на поджаренный хлеб масло и яблочное повидло. – Какие-то проблемы?

– Проблем особенных нет, но хотелось бы повидаться... Ты не занята сегодня вечером? – Голос у Кирилла был достаточно спокойный, но, когда мужчина задавал последний вопрос, Нина уловила сдержанную тревогу и одновременно насмешку. Кирилл прекрасно знал, что с тех пор, как они расстались, Нина вела практически монашеский образ жизни и длительного романа так и не завела.

Нине вдруг понравилось работать. Разыскав бывшего сокурсника по университету, Артурчика, теперь уже Артура Сергеевича, руководителя частной аналитической фирмы, она пошла к нему работать. Не зря она изучала математику! Помимо высокой зарплаты и уважения Нине в работе нравился сам процесс вычислений. После долгого интеллектуального безделья, связанного с замужеством, но, впрочем, выбранного ею по собственной воле, она вернулась к тому, о чем мечтала в юности, для чего поступала в университет и к чему была склонна по самой своей природе. Нине повезло: Артур принял ее как старого друга. Доверяя ей еще с институтских времен, он ценил в ней преданного и делового сотрудника, стремился повысить ее в должности и увеличить зарплату. Да и было за что ценить Нину. По натуре аккуратная и ответственная, она искренне увлеклась работой, к тому же у нее теперь не имелось отвлекающих факторов – ни детей, ни мужа, и поэтому Нина полностью принадлежала фирме и самой себе.

Бывший муж Кирилл, переживший после развода с Ниной уход новой молодой жены и еще несколько любовных эскапад, в конце концов тоже остался один и счел это за лучшее. Правда, вначале он ревниво боялся, что Нина снова выскочит замуж, однако, видя, что за три с лишним года, прошедших со времени их развода, никаких кардинальных перемен в ее жизни не наступило, совершенно на этот счет успокоился и решил, что он по-прежнему хозяин положения. Поэтому время от времени он стал звонить Нине с предложениями провести время вместе. Она не отказывалась, но и на сближение не шла. Кирилл, все-таки испытывающий некоторое неудобство от необычного для него холостяцкого положения, когда бывал у Нины, не мог понять, тянет его опять к ней или не тянет – такой серьезной, такой самостоятельной и совершенно незнакомой казалась она ему теперь. Завоевать ее снова? Но к чему это приведет? Может быть, опять к тому же самому, что уже было в их жизни... Нина же оставалась спокойна и свободна. Однажды приняв решение никогда и ни под каким видом не входить дважды в одну реку, то есть не возвращаться к прошлому, она относилась к Кириллу по-дружески, а еще вернее – по-родственному, но не более того. Впрочем, довольно часто он раздражал ее, как раздражал бы какой-нибудь троюродный брат-неудачник, с которым у нее не было ни общих интересов, ни сходных черт характера. Кирилл же, чтобы казаться независимым, взял за правило разговаривать с Ниной вежливо, но все-таки по-прежнему немного свысока. По этой же причине он хвастался ей успехами на новой работе. Бывшая жена особенно не верила ему, но и не осаживала всерьез.

«Если у него и вправду все прекрасно, как он говорит, то он не стал бы искать со мной встреч с такой регулярностью», – думала она, но в принципе не имела ничего против этих встреч. Если Нина не задерживалась на работе, вечера ее проходили в одиночестве, и жизнь ее в целом можно было назвать скучноватой и однообразной. Однако сама Нина так не считала, даже не замечая, как быстро летит время. Про Кирилла же она думала, что он не в силах изменить самого себя, как бы ни старался. Да он и не хотел меняться, а она больше не собиралась угождать ему, держалась с ним ровно. Нинина подруга Пульсатилла про эти визиты знала, но не очень-то их одобряла: «Тебе нужен молодой любовник! Что ты сидишь все одна да одна? Как только с тоски не помрешь? А Кирилл... На безрыбье, конечно, и рак рыба, но...»

«Мне и без него не скучно», – отвечала Нина, но сама перед собой могла бы признаться, что принимала бывшего мужа потому, что его визиты больше тешили ее самолюбие, чем развлекали.

«Значит, я была не такой уж плохой женой, если он нуждается во мне», – говорила она себе. Эти мысли придавали ей еще больше уверенности в своих силах, но вместе с тем она твердо знала – назад у Кирилла дороги нет. Нина прекрасно помнила, как этот человек буквально отнял у нее тринадцать лет жизни.

Она прижала телефонную трубку плечом, намазала маслом еще один тост, налила еще чашку кофе и подумала, что, когда жила с Кириллом, у нее почти никогда не было аппетита. Это воспоминание вызвало лишь улыбку, и, с хрустом откусив большой кусок тоста, Нина сказала:

– Ну хочешь – приходи. Думаю, что буду дома после восьми.

Кирилл удовлетворенно хмыкнул в ответ:

– Значит, до вечера!

Нина пожала плечами, положила трубку на стол и с удовольствием допила кофе.

Тане-Пульсатилле звонила по мобильному телефону старшая дочь. После ночного разговора с матерью она выскочила из дома ни свет ни заря и куда-то умчалась. Теперь Вика говорила с матерью якобы уже из института.

– Мама, я не приду сегодня ночевать, потому что Миша приглашает меня к себе на вечеринку, а живет за городом – ты же знаешь...

Пульсатилла вскинулась так, что пролила полчашки горячего чая на цветастый халат.

– Вика, не выдумывай! – закричала она в трубку. – О чем мы говорили с тобой сегодня ночью? Что значит он приглашает тебя к себе? А где будут его родители? Они что, уехали куда-нибудь?

– Никуда не уехали. Он как раз меня с ними обещал познакомить.

– Знакомит – и пусть проводит тебя домой. Не надо оставаться у парня ночевать при его родителях. Тебе это может повредить! Ты ведь не хочешь, чтобы тебя приняли за какую-то проститутку? – Пульсатилла, как большинство российских, а когда-то и советских мам, говоря слово «проститутка», имела в виду девушку свободных взглядов, что никогда бы не пришло в голову, скажем, французской, итальянской или египетской маме. Слово «проститутка» для них означает неприятную и трудную профессию – и больше ничего, без всяких российских домыслов и добавлений.

В ответ Вика ершисто заметила:

– А если бы Мишиных родителей не было дома, ты разрешила бы мне остаться с ним?

– Это уж ваше дело, – сухо ответила Пульсатилла.

Вике только того и надо было.

– Ханжество, мамочка, один из самых противных пороков человечества! – произнесла она, переполненная чувством собственного достоинства. – Кроме того, если Миша проводит меня домой, где он у нас будет ночевать? В одной комнате спишь ты, а в другой – мы с Катей. На электричке возвращаться домой ему будет поздно. Ты ведь не хочешь, чтобы на него напали какие-нибудь пьяные хулиганы?

Пульсатилла, конечно же, не хотела, чтобы парень ее дочери попал в лапы ужасным хулиганам.

– Хорошо! – решительным тоном сказала она. – Если Миша придет к нам, я пойду ночевать к Нине. Я у нее уже давно не была. Катя пусть спит в вашей комнате, а вы с Мишей на сегодняшнюю ночь можете занять мой диван. Но оставаться у него ты не смей! Ты поняла меня, Вика?

Вика, гордясь собой, ответила, что понимает теперь, почему многие мужчины с пренебрежением высказываются насчет женской логики, и отключила связь.

«Мама, как всегда, в своем педагогическом репертуаре!» – подумала девушка и улыбнулась, будто ей в голову пришла какая-то оригинальная шутка.

Пульсатилла, вовсе не уверенная, что ее слова дошли до Викиного сознания, ужасно расстроенная, стала будить младшую дочку Катю, чтобы та не опоздала в школу, а Вика, немного подумав, снова вытащила телефон.

– Миша! – нежным голосом пропела она. – Все решено. Я могу сегодня поехать к тебе! – С довольным выражением лица она выслушала ответ и чмокнула в воздух: – Целую! До вечера!

Лизе утром позвонила Татьяна Михайловна, заведующая отделом редакции глянцевого журнала.

– Необходимо узнать прогноз аналитиков по поводу повышения цен, инфляции, стагнации и тому подобного на зимний период, – сказала она. – Поедешь в одну довольно солидную контору, надо навести там мосты. Если их мнение окажется верным, станем с ними контактировать. Лучше, если ты будешь там говорить с женщиной, так как журнал у нас ориентирован преимущественно на деловых дам. Таким образом мы убили бы сразу двух зайцев: и прогноз бы получили, и познакомили бы читательниц с очередной бизнесвумен. Вытяни у нее сведения о личной жизни: сколько лет, где училась, как в семье и так далее. В общем, ты девочка умненькая, сама понимаешь.

Лиза была не в восторге от этого поручения.

– Как же, Татьяна Михайловна, я поеду? Вы сами вчера меня отпустили на целый день поработать в библиотеке. Мы же договорились, что я буду одновременно работать и над своей рукописью?!

В голосе шефини послышалось раздражение:

– Что ты как маленькая, черт побери! Вчера я тебя отпустила, а сегодня выяснилось, что ехать, кроме тебя, некому! Двое сотрудников заболели. Один простоял вчера два часа на холодном ветру перед гостиницей, прежде чем попасть на пресс-конференцию к важному лицу. Другому надо ехать в аэропорт ловить поп-диву. У дивы нет другого времени – только полчаса между регистрацией на рейс и вылетом. Скажи спасибо, что я туда тебя не посылаю – понимаю, что у тебя маленький ребенок.

– Спасибо, Татьяна Михайловна! – Лиза хоть и соблюдала дистанцию в обращении с начальством, но интонацию выбрала соответствующую своему разочарованию.

– Вот то-то, гляди у меня! – Татьяна Михайловна понимала, когда для пользы дела на сотрудников надо нажать, а когда и отпустить. В данном случае она хоть и представила себе скептическую мину на мордочке Лизы, ничего ей больше не сказала, только продиктовала адрес учреждения, куда надо было ехать.

Маленький Саша проснулся и заплакал в своей комнате. Пререкаться теперь стало некогда.

Лиза быстро записала адрес в блокнот.

– К кому мне обратиться?

– К Артуру Сергеевичу Иноземцеву, он познакомит тебя с кем нужно.

Саша обиделся, что мама до сих пор не подошла к нему, вылез из постели и отправился босиком ее искать. Лиза быстро подхватила его на руки и проговорила торопясь в трубку:

– Когда нужен материал?

– Как всегда – надо было еще вчера. – Татьяна Михайловна, заканчивая разговаривать с Лизой, уже переключилась на кого-то, пришедшего к ней в кабинет.

– Уф-ф! – в задумчивости выдохнула Лиза. Саша решил, что она хочет поиграть с ним, и засмеялся. Лиза пощекотала его теплый бочок. – Что же, мой милый, ничего не напишешь! –

сказала она сыну осторожно. – Не получается у меня побыть с тобой целый день. Давай пока позавтракаем и погуляем, а потом я все-таки поеду на работу, а к тебе вызову Галю.

Некоторое время, очевидно, пока перерабатывалась полученная информация, лицо у Саши не менялось, зато потом оно резко сморщилось, покраснело, он залился слезами и душе-раздирающе закричал:

– Не хочу Галю! Ты же обещала, что никуда не уйдешь! Я не хочу Галю!

Он вырвался, убежал назад в постель, упал там со всего маху на подушку и стал громко рыдать, дергая ногами и сотрясаясь всем телом.

Лиза еще раз сделала «у-уф-ф!», заглянула в ванную, сняла с батареи детские колготки и пошла к сыну. Саша, спиной почувствовав присутствие матери в комнате, усилил свой крик. Лиза присела к сыну на диван. Необходимо было начать переговоры.

– Послушай меня, – начала она. – Давай не будем портить друг другу настроение. Мне и самой не хочется никуда идти, но ничего не поделаешь – надо. Ты лучше сейчас вставай, умывайся, а я сделаю нам с тобой завтрак. Потом мы погуляем, а к обеду придет Галя. Вечером я привезу тебе новую игрушку. Слышишь, Саша? Договорились?

– Не договорились! – зло выкрикнул Саша и отвернулся к стене. Он уже перестал плакать и только всхлипывал и мелко колотил ногой о другую ногу.

– Ну не капризничай! – Характер у Лизы был не такой, чтобы плакать по всякому случаю, но настроение испортилось и у нее. Татьяна Михайловна нарушила договоренность, в то время как Лиза так ждала этого денька. Она действительно собиралась пробыть целый день дома, но это не означало, что она не выкроила бы время поработать над рукописью – женщина планировала ею заняться, когда Сашка уляжется днем спать. Кроме того, ей необходимо было еще приготовить еду на два дня вперед, так как следующие дни тоже были заполнены до предела. Теперь же опять все придется переносить на ночь... – Вставай, Саша! Надо уметь мириться с обстоятельствами! – Лиза считала, что она как профессиональный психолог должна находить общий язык с любым человеком, в том числе и с собственным сыном, но на практике это оказывалось гораздо труднее, чем она себе представляла. Лиза мечтала, что вырастит из Саши настоящего мужчину, каких сейчас вообще мало на этом свете, и особенно в нашей стране, но с каждым днем чувствовала, что реализация ее мечты почему-то отдалялась все дальше и дальше.

Саша продолжал канючить и дрыгаться. Лиза почувствовала и жалость к сыну, и раздражение. Ну почему, когда она все так хорошо объяснила ему, он продолжает капризничать? Они только теряют время!

– В конце концов, я же не уйду сегодня на работу, как всегда, в девять утра! До часу дня мы можем вместе быть дома!

– А я не хочу до часу! – Саша совершенно отказывался идти на контакт. Подначивая сам себя, весь красный, вспотевший, он продолжал противно ныть, лежа в постели. Время между тем утекало с катастрофической быстротой. В Лизе боролись два чувства. Подойти и накричать, даже наподдать ему хорошенько, чтобы он понял, что нельзя так себя вести, когда ему объясняют по-человечески, или взять сначала себя в руки, его на руки, снова начать уговаривать и жалеть, потом как-нибудь перевести ситуацию в игру и тем самым все-таки добиться, чтобы он вылез, наконец, из постели. Был, правда, еще третий вариант: предоставить Сашке возможность валяться, сколько он посчитает нужным, позавтракать одной и потом заняться своими делами. Но как завтракать одной, когда в дальней комнате громко воет твое единственное дитя? Возможно ли в такой ситуации заниматься делами? Она еще должна вывести сына на прогулку. Лиза посмотрела на часы. Саша упорно ломал весь режим дня.

Черт побери! Неужели этот так давно ожидаемый день пройдет в дурацких уговорах, соплях и в конечном счете в плохом настроении, раздражении на весь мир и на себя – за то, что Лиза не может справиться с собственным сыном, не в состоянии управлять ситуацией и

строить жизнь так, как ей бы хотелось? Время идет, часы тикают не переставая, а она все топчется на месте.

– Ну хорошо, немного поспи и вставай! – Лиза решила взять с Сашей бодрый тон. – Я пока пойду готовить завтрак! Когда тебе надоест валяться в постели, одевайся и приходи! Я буду тебя ждать! – С этими словами она храбро вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Она знала, что сын не любит лежать в темноте один. Но сейчас было позднее утро, уже вполне рассвело и неожиданно, как бывает осенью, выглянуло солнце. Один его любопытный луч стал нахально пробиваться на кухню сквозь шторку, обследуя все щели, и его появление придало Лизе дополнительный стимул.

И пока сейчас в ожидании сына она, купаясь в этом луче, готовила завтрак, луч кружил, и танцующие в нем пылинки складывались в мозгу Лизы в крохотные буквы новой статьи о тысячах страждущих женщин, для которых материнство по разным причинам остается недосягаемой, но главной мечтой.

«Как найти золотую середину между желаемым и достигнутым?» – размышляла она, а заголовок статьи уже возник в ее сознании. «Точно ли мы знаем, чего хотим?» – она видела, как буквы растягиваются на развороте. «Пожалуй, тянет на тему номера!» – подумала она и автоматически разбила яйца для омлета в пластмассовую миску. А между тем в маленькой комнате установилась подозрительная тишина. Но, забывшись в мечтах, Лиза не обратила на это внимания. Опомнилась она только тогда, когда в комнате опять настойчиво зазвонил телефон.

2

Мужчина несет в своем семени дух, форму, личность. Мужчина – это тот, кто дает вещи душу... Женщина представляет материальную опору в виде своей крови, телесности, плоти, которая стареет, ветшает и умирает. Сущность души неизменно мужская. Рождение девочек, во всех случаях, результат слабости родителя по причине болезни, старости или слишком раннего зачатия.

Аристотель. Метафизика, VII, 9, 1034Б

Не хотелось бы, чтобы у читателя сложилось представление, что он попал в какое-то бабье царство, ибо до сих пор в нашем повествовании речь шла преимущественно о женщинах и детях. Исключение составляет Кирилл, но он, как бывший муж, не может играть роль главного мужского персонажа в этом романе. Поэтому, кажется, уже настало время вывести на авансцену повествования нашего истинного героя – фигуру, по мнению автора, во всех отношениях достойную внимания. Возможно, достоинства его не бесспорны, но, без сомнения, это человек интересный и уж совершенно не укладывающийся в рамки представлений женских журналов о мачо – герое-любовнике без страха и упрека.

Итак, в то же самое утро, когда разговаривала с Кириллом Нина Воронина, спорила с дочерью Таня-Пульсатилла и уговаривала капризного сына журналистка Лиза, потягиваясь, встал с постели некто Юрий Николаевич Обломцев, персонаж совершенно еще пока не известный ни нам, ни всем трем женщинам. Это мужчина тридцати восьми лет от роду, не толстый и не худой, неженатый, но разведенный, преподаватель одного из технических вузов столицы. С уже поредевшими на висках мягкими, слегка вьющимися русыми волосами, он, пожалуй, выделялся среди многих представителей сильного пола. И главным его отличием являлась не часто теперь встречающаяся манера держаться – чуть ленивая, очень спокойная и даже, не побоюсь этого слова, вполне равнодушная. В наше суетливое время, когда жизнь кипит и бурлит, будто молодой вулкан, угрожающий устроить новую вселенскую катастрофу, люди нервно бегают, торопясь ухватить свою долю благ, этот достойный вид, присущий «вещи в себе», отличает либо очень умных людей, либо иностранцев. Впрочем, иностранцы, приехавшие в нашу страну делать деньги, а не вальяжно прогуливаться по Красной площади, тоже через некоторое время начинают суматошно бегать. Что касается ума нашего героя, то судить о нем предоставим возможность героиням и читателям, но уж никак не автору.

Лицо Юрия Николаевича украшала небольшая богемная бородка – то ли очень коротко постриженная, то ли, наоборот, еще не переросшая стадию слишком длинной щетины. Она придавала ему видимость эдакой «модности», хотя во всем остальном этот человек принадлежностью к богеме не отличался: носил самые обычные, купленные в ближайшем к дому магазине джинсы, обыкновенную рубашку в тонкую полоску и скромный пиджак, сшитый из его любимой ткани – английского твида в мелкую крапинку. Вместе с тем при первом взгляде на Юрия Николаевича заурядному собеседнику вполне могла бы прийти в голову мысль, что перед ним рядовой любитель выпить вечером чего-нибудь «сухонького», а под маской лени и равнодушия скрывается неутомимый волокита. Или даже Юрий Николаевич мог представляться укрывающимся от налоговых структур тайным держателем большого количества ценных акций и антиквариата. Но поскольку история наша не имеет черт детективного жанра, есть смысл уточнить сразу же, что ни в чем «этаком», включая наркоманию, гомосексуализм, садомазохизм и кое-что еще в таком же роде, наш герой не был замешан. И вообще вид у него мог бы быть совершенно заурядным, если бы не несомненное, но, впрочем, далеко не всегда распознаваемое сходство с некоторыми положительными героями чеховских пьес. Этому же,

кстати, способствовали и заключенные в тонкую оправу, овальной формы, весьма привычно и ловко сидящие на его далеко не выдающемся носу очки.

Во всяком случае, не биржи ценных бумаг в Москве, Токио, Нью-Йорке или Лондоне являлись целью жизненных устремлений этого человека. Самым подходящим местом для него на земле мог быть заповедный островок чудом сохранившегося спокойствия в скверике на мысе острова Сен-Луи в Париже или где-нибудь на левом берегу Сены, в районе церкви Сен-Сюльпис, в маленьком кафе, где чашка кофе и стакан воды стоят одинаково – два евро, и их вполне хватает для того, чтобы сидеть, не скучая, одному за круглым столиком и пару часов наблюдать, как проходит мимо тебя жизнь улицы. Весьма уместной в его руках могла быть и книга, купленная неподалеку на букинистических развалах бульвара Сен-Мишель. Кроме того, мужчины с внешностью нашего героя могут запросто полдня гонять деревянной указкой парусники по глади фонтана в Люксембургском саду, а потом, оставив кораблик сушиться на тяжеленном стуле, посадить за пазуху маленькую собачку, привыкшую терпеливо ожидать хозяина во время всех его развлечений, и укатить куда-нибудь на велосипеде в разгар рабочего дня с самым что ни на есть беззаботным видом. Но так как нашему герою ни на левом, ни на правом берегу Сены бывать никогда еще не приходилось, он и не мечтал о том, чего никогда в жизни не видел. Поэтому, не испытывая совершенно никаких страданий по поводу дальних стран, Юрий Николаевич, встав с постели, отправился в ванную комнату, а по дороге туда достаточно равнодушно бросил взгляд в зеркало. Сделано это было с одной-единственной целью – оценить, достаточно ли отросла его любимая борода, не требуется ли ее подстричь или можно еще оставить как есть, полагая, что окружающие сочтут сероватую тень, расположенную между подбородком и ушами, данью моде.

– Юрочка, надо все-таки побриться, – заметила вслух вполне еще моложавая женщина, выходя из кухни и снимая с плечиков в прихожей свое пальто. – Ты не забыл, куда тебе с утра нужно идти?

– Здравствуй, мама. – Юра запахнул поплотнее махровый халат и чмокнул мать в щеку. – Что-то рано ты сегодня собралась на работу.

– Много дел, дорогой. Завтрак на столе. Что не доешь – убери в холодильник. Передавай привет Насте. Ну, ни пуха ни пера! Желаю успеха в твоём начинании.

Юра промычал в ответ что-то невнятное.

– Можешь смело посылать меня к черту! – засмеялась мама. – Во всяком случае, когда ты был студентом, это всегда срабатывало! Экзамены ты сдавал хорошо!

– Неужели ты думаешь, что только поэтому?

– Кто знает, кто знает! – Елена Сергеевна проверила, положила ли она в сумку расческу и ключи от квартиры. – Ключи на месте, пенсионное удостоверение тоже. Я побежала, мой дорогой. Представляешь, твоя мама с этого года уже ездит в метро по пенсионному удостоверению!

– Неужели наличие этой корочки для тебя что-нибудь меняет? – Юра снял соринку с материнского пальто.

– Сначала казалось, что да! Очень многое! – Елена Сергеевна задержалась на минутку на пороге. – Я почему-то стеснялась показывать его контролерам. А теперь привыкла. Очень удобно – не надо платить за проезд!

– Тебя должны штрафовать за подделку документов! На вид тебе никто не даст больше сорока трех! – Хотя Юра и зевнул, комплимент этот был вполне искренен.

– Так я тебе и поверила! – Мама уже с площадки помахала рукой. – Так, Насте не забудь передать привет! Она неплохая женщина, заботится о тебе, и потом, мне кажется, что ты к ней уже вполне привык!

– Обязательно передам! – Юра закрыл за Еленой Сергеевной дверь и направился в ванную. Там, как и полагается по утрам джентльмену, он принял контрастный душ, тщательно почистил зубы и все-таки побрил щеки. Потом на уютной маленькой кухне, которую помнил с

детства, выпил кофе, а еду, не попробовав ни кусочка, аккуратно убрал в холодильник. Тщательно вымыл за собой чашку, оделся и, сняв со спинки стула уже знакомый нам пиджак в крапинку, тоже направился в прихожую. Тут зазвонил телефон.

– Ты не забыл, что должен идти сегодня устраиваться на новую работу? – В последнее время у Насти, по крайней мере когда она разговаривала с Юрой, появились в голосе напряженные нотки, как у учительницы, отчитывающей непослушного ученика.

– Не забыл.

– Что это за ответ «Не забыл»?

– А ты хочешь, чтобы я ответил: «Забыл»? – В голосе у Юры появилась легкая ирония, которую не уловили на другом конце провода.

– Ты должен сказать, что находишься в полной готовности для того, чтобы пойти и не просто поговорить насчет работы с тем человеком, выход на которого я нашла с таким трудом, а произвести самое благоприятное впечатление!

– Я и вправду собираюсь это сделать. Вот уже надеваю ботинки. – Юра прижал трубку ухом и несколько раз вяло провел щеткой по носкам ботинок.

– Как мне надоела твоя привычка делать из людей дураков! – разозлилась Анастасия. – Ты что, хочешь сказать, что будешь вести себя так, что тебя НЕ возьмут на работу?

– Ну зачем же? Специально стараться для этого я не буду. Но если и не возьмут, тоже не расстроюсь. Меня устраивает то, что я делаю сейчас.

– Да-да! Я это слышала уже сто раз. «Мне нравится учить студентов, писать дурацкие книжки и выполнять за двоечников курсовые работы!» И это говорит умный человек! Хороший математик, золотая голова!

– Настя, не начинай с утра! – В голосе Юры обнаружилась явная скука. Он представил, как Настя ходит по его квартире, тоже собираясь на работу. Вот она красит ресницы перед зеркалом в ванной комнате, натягивает через голову свитер, стараясь не помять прическу, так же как только что делала мама, проверяет, взяла ли с собой ключи... Но все ее действия не только не умилили его, как это бывало когда-то, когда он ухаживал за ней, но вызвали вполне отчетливое желание очутиться как можно дальше от нее, желательно в противоположной точке земного шара. Вчера, чтобы не видеть Настю, он предательски сбежал из собственной квартиры, сказав, что ему необходимо срочно навестить мать. Где провести сегодняшний вечер и ночь, Юра даже не представлял.

– Но как же мне не заботиться о тебе, хоть я тебе и не законная жена! – Настя обожала подчеркивать, что они с Юрой официально не расписаны, хоть и живут вместе уже около пяти лет. Какую такую цель она преследовала, желая непременно выйти за него замуж, Юре надоело обдумывать. Он осторожно отложил в сторону телефонную трубку, а сам наклонился, чтобы надеть ботинки, и стал завязывать шнурки. Сбоку до него доносился Настин голос. Слов он не мог разобрать, но содержание ее нравоучений, как он отлично представлял, не отличалось ни новизной, ни оригинальностью.

– Юра! Алло! Ты меня слушаешь? – Настя подумала, что слишком долго нет реакции с другой стороны.

Он снова взял трубку, сказал наугад:

– Конечно, дорогая!

– Юра, ты не должен соглашаться на маленькую зарплату. Ты слишком мало получал всю жизнь, чтобы менять шило на мыло. Ты меня понял?

– Естественно.

– Господи, ну что ты за человек! Никогда не разберешь, что в действительности у тебя на уме.

– Я сейчас хочу спать. Мы с мамой вчера поздно легли.

– Что же вы делали?

– Болтали о пустяках.

– Со мной ты никогда не болтаешь. – Настя помолчала, будто собиралась с силами, а он, воспользовавшись паузой, уже хотел положить трубку. – Юра! Не вздумай завалиться назад в постель! Ты должен идти!

– Тогда не задерживай меня. Я уже в ботинках.

– Когда ты успел их надеть?

– Я в них спал, чтобы быть готовым вскочить и мчаться туда, куда ты мне приказываешь, немедленно, как только услышу твой голос.

– Ой-ой, как остроумно! Юра! Я позвоню тебе через час!

– Через час, я думаю, я даже не доеду до нужного места.

– Ну, через три часа!

– Тоже не получится. Я должен вернуться в институт к началу второй пары. Во время занятий я отключаю телефон.

– Господи! Я позвоню тебе через два часа! Желаю удачи! Увидимся вечером.

– К черту, к черту! – Он уже снимал с «плечиков» пальто. Пожалуй, именно пальто он предпочитал всем другим видам верхней одежды. В них, таких мягких и теплых, сшитых из драповых или других шерстяных тканей, он чувствовал себя удобно, как под одеялом. Пальто, свободное сиденье в уголке в метро и пара свежих газет – вот все, что было нужно этому человеку, чтобы комфортно себя чувствовать перед работой.

– Юра, ты не забыл, как зовут того господина, к которому ты должен идти?

– У меня было где-то записано его имя...

– Ты, наверное, эту запись давно потерял! Запомни немедленно: его зовут Артур Сергеевич Иноземцев!

– Артур. Как Конан Дойль. А отчество как у мамы. Запомню. Пока! – Юра положил трубку, взял свой довольно потертый, но сшитый из настоящей свиной кожи портфель, аккуратно закрыл за собой дверь квартиры и положил ключи под пальто, во внутренний карман пиджака.

«Ключи от убежища, – вздохнул он. – Все-таки хорошо, что по крайней мере раз в неделю у меня есть возможность ночевать здесь».

На улице он закурил, купил пару-тройку газет и, не торопясь, спустился в метро. Настоящее утро рабочих людей уже давным-давно миновало, и уже не было особенной, свойственной раннему времени давки. Юра выбрал относительно спокойное местечко в углу вагона (там обычно по ночам ездят бомжи, но ему это не пришло в голову), поставил между ног свой разбитый портфель и с удовольствием занялся газетой.

3

Если характер проявляет мужчина, то все говорят: «Молодец! Стойкий парень!» Если женщина, то все считают: «Стервозная баба!»
Маргарет Тэтчер

Тем временем в аналитическом центре работа уже давно шла своим чередом.

Бывший однокурсник, а теперь шеф Нины Артур Сергеевич Иноземцев внимательно просматривал графики, одновременно прихлебывая кофе. Нина сидела рядом и наблюдала небо в окно, время от времени ревниво кося глазом в сторону своего детища – длинных листов бумаги с четкими столбцами таблиц и вычурными линиями графиков. Наконец, Артур отставил в сторону пустую чашку.

– Ты умница, Нина! Я думаю развивать направление твоей работы.

– Слишком много потребуется расчетов. Боюсь, я не справлюсь одна.

Нина ощущала гордость на законных основаниях. Не зря она трудилась, не щадя своего личного времени. Результаты этой работы превзошли все ожидания.

– У меня есть хороший покупатель на этот материал. – Артур сначала взглянул на доньшко чашки, а потом внимательно посмотрел на Нину. – Кого бы ты хотела взять себе в помощники? Постепенно мы образуем новый отдел. Ты будешь руководить. А пока присмотри себе для работы какого-нибудь человечка из наших.

– Боюсь, мне не из кого выбирать. – Нина задумчиво посмотрела через прозрачную перегородку закутка начальника на корпевших за компьютерами в большой комнате сотрудников. – Слишком молодых брать не хочется – времени на их обучение потратишь много, а получишь ли результат – неизвестно. У молодых сейчас нет чувства локтя. Их обучишь, а они тут же уйдут в другую фирму на чуть большую зарплату. Так уже бывало. А те, кто у нас постарше, не имеют нужного образования. Но мне самой хочется продолжать эту работу. Она очень перспективна, на нее будет большой спрос. Наша фирма хорошо раскрутится на этом.

– Подожди-подожди! – Артур просмотрел записи в своем календаре. – Как раз сегодня ко мне должен подойти один человек. По образованию тоже математик, кандидат наук. Работает в каком-то учебном заведении. Может, ты с ним поговоришь насчет работы с учетом своего направления?

– Поговорю.

– Ну вот и отлично. Он скоро подойдет. – Артур свернул листы таблиц и отдал Нине, опять посмотрел в календарь. – Да, уж тогда заодно. Считай, что сегодняшней день у тебя будет потрачен на разговоры. Должна еще прийти журналистка из крупного издания. На нас ее вывел один мой приятель. Ей нужна героиня очерка или что-то в этом духе. Поговори с ней, пожалуйста. Нам очень важно наладить контакты с прессой. Я на тебя надеюсь.

– Я не очень много общалась с журналистами, – заметила Нина, – но почему-то заведомо их не люблю.

– Нина! Ты слишком умна, чтобы произносить такие фразы, – недовольно посмотрел на нее Артур. – Что значит люблю – не люблю! Нам это надо, а значит, ты должна пустить в ход обаяние, хитрость, ум – все, что хочешь, только бы ей понравиться. Расценивай это как служебное задание – вот и все!

Сквозь прозрачное только с одной стороны стекло была видна далеко внизу деловая Москва. Картина оказалась впечатляющей. Нина ею немного полюбовалась и решила, что шеф прав.

– Конечно, Артур! У меня была минутная слабость. Романтическое настроение. Извини. Я поговорю со всеми, кто придет.

– Не сомневался в тебе.

Нина вышла из кабинета и села на свое место. «Ум, обаяние... – вертелись у нее в голове последние слова разговора с Артуром. – Приятно слышать, что кто-то думает о тебе хорошо».

Выдавая чужака, раздался негромкий стук в дверь – свои, входя, не стучали. Нина обернулась – в их довольно просторную комнату шагнул мужчина с бородкой, с пальто, перекинутым через руку, и довольно потертым портфелем. Пальто в первую очередь привлекло внимание Нины.

«Надо же, воспитанный человек! – подумала она. – Не вошел в комнату, как в магазин, прямо в верхней одежде».

Эта мимолетная мысль исподволь расположила ее к незнакомцу. И когда оказалось, что вошедший и есть тот самый преподаватель математики, о котором ей говорил Артур, Нина почувствовала, что ей хочется предложить этому человеку сотрудничество. Она давно уже не встречала мужчин с внешностью чеховских героев, приятными манерами и усталыми глазами. Такая внешность для Нины являлась олицетворением доброты и интеллигентности. (Может быть, в наши дни критерии в выборе спутников жизни и изменились, но во времена Нининой молодости девушки подходили к этому вопросу немного наивно.)

Уже дома вечером, вытирая пыль перед приходом Кирилла, Нина вспоминала свой разговор с Юрием. Он понравился ей, и это навело ее на некоторые размышления.

«Неужели еще что-то можно начать сначала? – думала она, передвигая стулья в кухне, чтобы лучше достать хоботом пылесоса дальние углы. – Я и не думала, что еще способна испытывать волнение лишь оттого, что внешность незнакомца показалась мне приятной. Нужно ли мне это? Да и не глупо ли влюбляться на старости лет?»

Нина имела в виду, что манера этого человека держаться без хвастовства и готовности услужить, правильная и мягкая речь, руки, не потные и не суетливые, спокойно лежащие на коленях, произвели на нее впечатление. Ей стало казаться, что она уже где-то видела его, или читала о похожем герое, или, быть может, втайне мечтала о таком мужчине во время замужества за Кириллом, самой себе боясь признаться в этих мечтах. Наконец, вот за кого она могла принять Роберта... И давно уже перевернутая страница ее несостоявшегося романа с Робертом вдруг ожила в памяти и стала отголоском то ли когда-то прочитанной книги, то ли забытой песни о любви.

Есть женщины, которые не могут жить без любви. Желание нравиться всем без разбору или какому-то определенному субъекту, часто далеко не самому достойному, стимулирует их потребность выглядеть лучше: модно одеваться, краситься, в общем, как они говорят, пребывать в «боевой готовности». Для чего нужна такая готовность, Нине оставалось неясным. Уж слишком часто наблюдала она, как за подъемом эмоций следовал их спад, разочарование и обобщающие, часто несправедливые заявления типа «все мужики сволочи и козлы!». Зачем же раз за разом начинать романы с «козлами», для того чтобы убедиться в правоте этих замечаний, самой Нине было совершенно непонятно. Только однажды в жизни, в довольно нежном возрасте, пережила она сильную влюбленность в человека, ставшего впоследствии ее мужем. Брак этот длился довольно долго, обе стороны вначале считали его удачным, потом – рутинным. Случайная встреча с хорошенькой девушкой Лизой в одночасье перевернула жизнь Нины и ее мужа, и Нина прекрасно понимала, что причина была в том, что еще до этой встречи в их отношениях с Кириллом исчезло нечто важное. Оба стали считать друг друга хуже, чем были на самом деле. Конечно же, они ошибались, но тем не менее жизнь обернулась для обоих, может быть, не такой уж хорошей, но зато новой стороной.

«Жизнь неплоха и без любовных хлопот, – считала Нина. – Насколько я знаю, многие вдовы не стремятся после смерти мужа вступить в новый брак. Даже с учетом того, что мужчин в возрасте после сорока у нас намного меньше, чем женщин. Может, все дело в том, что

пресловутая свобода, столь ценная для мужчин, в конце концов оказывается приятной и для женщин, которые в браке этой самой свободы не имеют?»

Это Нинино суждение всегда опровергала подруга Пульсатилла:

– Как это скучно – работа, дом, дети... Что значит свобода для женщины? Молодость не просто уходит, она молниеносно исчезает, как испаряется последний снег в начале апреля, сдуваемый теплым ветром из потаенных уголков возле заборов и под большими деревьями. Но у нас с тобой впереди уже, увы, не жаркое лето, а лишь желтые листья осени, колючий снег разочарований да тусклый дождик накопленных обид.

– Зато зимой бывает Новый год, – отвечала Нина. – Я люблю теперь встречать его в одиночестве. В девять вечера – ароматная ванна. В одиннадцать – «Большая месса» Моцарта в гостиной, в двенадцать – бутылка вина, вазочка с фруктами и пара бутербродов с икрой. И никакого тебе салата оливье, холодца и буженины, гор грязной посуды утром и ощущения, будто тебя били палками все предыдущие сутки.

– Ой! – махала в ответ руками и морщилась Пульсатилла. – Ты так говоришь, потому что у тебя, как, впрочем, и у меня, до сих пор нет настоящего мужичка! А имелся бы он в наличии, ты бы и о новогоднем платье позаботилась, и вместо расслабляющей ванны стоически бы всю ночь гуляла на каблуках, и наготовила, и посуду перемыла – даже не заметила. И самое главное, это все было бы тебе в радость!

Нина в ответ философски улыбалась:

– Зачем жалеть о том, чего не имеешь? Не жалеешь же ты, что не довелось тебе стать английской королевой?

На это Пульсатилла, гордо покачивая пушистой головой – волосы у нее всегда были уложены в корону, а надо лбом вились, создавая светлый волнистый нимб, – обычно отвечала:

– Откуда ты знаешь? Может, и жалею!

– У них в семье тоже свои трудности, – замечала Нина и приглашала Пульсатиллу выпить чаю.

Но в нынешний вечер, я думаю, Нина не стала бы так однозначно отвечать подруге насчет отсутствия-присутствия в жизни женщины порядочного «мужичка». Утреннее знакомство с Юрием все не шло у Нины из головы.

«Может быть, он женат и у него очаровательная супруга и трое детей...» – думала она, уже заканчивая уборку. Нина читала в каком-то журнале, что возраст около сорока – сорока пяти лет чреват для женщины последними бурными всплесками половых гормонов. Именно в это время, перед вступлением в климакс, организм якобы настроен реализовать угасающую возможность продолжить род. И это как раз и объясняет совершенно дикие вспышки страсти к разного рода подозрительным субъектам у дам постбальзаковского возраста. Кстати, этими же последними всплесками гормонального фона объясняется и тяга мужчин после пятидесяти к молоденьким девочкам.

Нина была очень напугана этой статьей. «Черт побери, – думала она. – Приближается критический возраст! Мне уже скоро сорок два! Как бы не вляпаться как кур в ошип в какого-нибудь идиота!» Поэтому осторожная, рациональная и умная Нина была чрезвычайно разборчива в знакомствах. И сейчас она решила поставить в отношении своего будущего коллеги большой знак вопроса.

«Человек он, безусловно, грамотный, умный. Вел себя на собеседовании достойно. В проблему вник сразу, но особенно большой заинтересованности работой не показал. Может, впрочем, набивал себе цену, – думала она, убирая пылесос на место. – Во всяком случае, у меня еще будет время к нему присмотреться. Поработаем несколько недель, а потом, если от него выйдет толк, возьму его к себе в новый отдел, который обещал организовать Артур. Я полагаю, он действительно хочет сделать меня начальником. Что ж, это будет заслуженно. Все-таки знаний у меня побольше, чем у других сотрудников».

Эти перспективы улучшили Нинино настроение. Ей нравилось думать о своем деле. Она находила удовольствие в поиске оригинальных решений поставленных задач, наблюдая, как длинные ряды цифр ложатся в формулы, непонятные взгляду непосвященного человека, а уже потом облекаются в многообещающие и важные выводы. Она была счастлива, потому что чувствовала свою причастность к современной жизни.

«Как долго я не жила!» – так теперь она думала про свой брак с Кириллом и, не желая зла бывшему мужу, все-таки с чувством удовлетворения наблюдала, как с ростом ее успехов на работе и материального состояния в лучшую сторону меняется его к ней отношение. Но Нина не забыла прошлые годы. Говорят, что тот, кто был счастлив в первом браке, с легкостью вступает во второй. Иногда во сне Нина видела их прежнюю шикарную квартиру, в которой Кирилл теперь обитал один. Она слышала его раздраженный, пронзительно-громкий голос, который слышала много лет: «Ты до сих пор, черт возьми, не погладила мою рубашку? А где костюм? И носки? Куда ты дела носовой платок?»

Она видела во сне себя со стороны и чувствовала ту унижительную торопливость, с которой подавала ему все эти вещи. Она будто слышала голос свекрови, ежедневно звонившей ей по телефону. И все это Нина терпела лишь потому, что когда-то любила этого человека.

«Нет, – думала она, просыпаясь после этих снов вся в поту. – Не быть никому ни в чем обязанной, делать что хочешь – не так уж мало! Ни за что не променяю свою одинокую, но свободную жизнь на прежнюю каторгу рядом с Кириллом! Пусть Пульсатилла говорит что угодно! Но я сейчас счастлива тем, что самая большая проблема у меня – сохранение моего собственного веса в нужных пределах, а все дела по обслуживанию драгоценного тела бывшего мужа пусть на себя берет кто-нибудь другой!»

Последним штрихом ее уборки в квартире обычно бывали заботы о цветах. Те, что росли на подоконниках, Нина на время уносила в ванную и сбрызгивала там из пульверизатора. Срезанные цветы, которые она покупала себе сама, кстати, без всяких комплексов и с удовольствием, Нина тщательно подравнивала ножницами и ставила в старую вазу, давно уже не модную, из тяжелого, толстого хрусталя. Эту вазу, еще в эпоху дефицита, принес в дом отец по случаю какого-то юбилея. И только ее да свой купленный на стипендию польский керамический кофейный сервиз Нина и взяла с собой из старой родительской квартиры, в которой коротала первый год после развода. Больше она ничего не захотела тащить в новую жизнь.

Итак, она поставила в вазу цветы. Это были герберы. Даже в самый тусклый, промозглый день герберы способны улучшить настроение любому человеку. Нине они оказались как нельзя кстати. Их было девять штук – три тройки разного цвета – оранжевые, желтые и красные. Вряд ли Кирилл принес бы ей цветы. Она на это и не рассчитывала. Герберы создавали впечатление спокойствия, ухоженности и достатка. Тем более они показались Нине в этот день как нельзя к месту. Поставленные на низкий столик со столешницей из зеркального стекла, цветы отражались в стеклянной горке для посуды и зеркале, висящем на стене прихожей, и в каждом из натертых до блеска стеклянных бокалов, и в тщательно промытых чашках тонкого белого фарфора.

«Замечательно веселый эффект!» – восхитилась Нина и вдруг подумала, что цветы ей о чем-то напомнили. Она задумалась и через некоторое время вспомнила журналистку, с которой ей велел пообщаться Артур. Медный блеск кудрявых волос в сочетании с красным свитером этой девушки напомнил Нине цветовую гамму гербер.

«Неглупая девушка», – думала Нина, переодеваясь к приходу Кирилла. Она не могла отделаться от ощущения, что журналистка на кого-то похожа. Так неуловимо взрослые дети бывают похожи на своих родителей в молодости. Но Нина точно помнила, что таких ярких рыжих волос не было ни у кого из ее довольно немногочисленных знакомых. Девушка собиралась прийти завтра снова – показать, что ей удалось написать. Нина пыталась вспомнить, как

журналистка представилась. Ей почему-то показалось это очень важным. Сразу на имя она не обратила внимания, а потом оно выветрилось и стерлось из памяти.

Нина отбросила в сторону расческу и стала искать в сумке карточку этой рыжеволосой журналистки. Да вот же она! Фамилия Нине ничего не говорила. Но имя! Елизавета Андреевна. Нина положила карточку в тот же кармашек, откуда ее достала. Сердце немного кольнуло. Елизавета Андреевна... Лиза.

Теперь Нина могла дать голову на отсечение, что эта девушка и есть та самая Лиза. Девушка-разлучница, девушка-вамп, что сначала увела от нее Кирилла, а потом сама же бросила его и явилась к Нине уже беременной простушкой, женой бравого молодого офицера. Нина задумалась, подсчитывая. Тогда, четыре года назад, Лиза была готова ехать с новым мужем на край света. Неужели теперь она вернулась? Интересно, с мужем или опять одна?

Нина присела на подлокотник дивана в прихожей, крепко сжав губы. Лиза изменилась. Неудивительно, что сразу ее и не узнаешь. Нет, Лиза не похорошела и не подурнела. Она стала во всем другая, хотя черты лица были прежние. Но вот волосы яркого рыжего цвета... Когда не ждешь человека, трудно бывает его узнать в новом обличье. Но Лиза? Знала ли она, к кому идет брать интервью? И если знала, почему же не напомнила о себе, почему ничего не сказала? Ведь они не были с Ниной врагами. Расстались вообще чуть ли не дружески... Не могла же Нина измениться за эти годы так, чтобы стать неузнаваемой для своей бывшей соперницы?

Нина снова взяла расческу, задумчиво провела ею по голове в разных направлениях. Начесала волосы, пригладила их – получилась модная короткая прическа. Четыре года назад у самой Нины была другая стрижка.

«А кто вообще знает, как жила Лиза там, на краю света, со своим мужем-офицером?» – спросила себя Нина. Кирилл? Вряд ли. Лиза была его женой недолго, всего несколько месяцев, а потом сбежала к молодому мальчику. Спрашивать Кирилла о Лизе неудобно. Вот с Пульсатиллой они несколько раз обсуждали странную трансформацию Лизы из девочки-хищницы в преданную жену-декабристку.

– Это все чепуха, ненадолго! – утверждала Пульсатилла. – Обстоятельства могут измениться, но человека не изменить. Так не бывает, чтобы самовлюбленная девчонка вдруг забыла о себе ради кого-то.

– Но может, она действительно полюбила этого парня, молодого офицера? – возражала Нина. – Подумай сама, что Лиза видела в жизни? Молоденькая и неглупая девочка почему-то представляла свою жизнь все время рядом с какими-то перезрелыми мужиками! Гонялась за их успехом, богатством, а получила-то в итоге – Кирилла! Зачем девчонке это богатство, если обязательным приложением к нему является вечно брюзжащий, всем недовольный муж?

Пульсатилла недоверчиво качала в ответ светлой головой:

– Это с тобой Кирилл вечно был недовольным, потому что ты ему надоела. А с молоденькими девчонками мужики обычно бывают очень довольными!

В возражениях Пульсатиллы был свой резон, но Нине не хотелось ей верить. Да и какой же настоящей женщине может быть приятна мысль, что мужчина, грубый и хамоватый с ней, восхитительно хорош с ее соперницей?

– Ты же сама говорила, что человека нельзя изменить! – говорила она. – Значит, как Кирилл вел себя со мной, так он поступал и с Лизой, только не в первый месяц их совместной жизни, а через некоторое время, когда новизна их отношений уже улетучилась.

Как, оказывается, давно они вели с Пульсатиллой эти разговоры!

Нина посмотрела на часы и встала с дивана. Да, время в воспоминаниях прошло незаметно. Вскоре должен был явиться Кирилл. Нина посмотрела в зеркало, одернула на животе джемпер и осталась довольна собой. Меняют людей обстоятельства жизни! Мало что теперь осталось в Нине от прежней незащищенности, хрупкости и замкнутости, что так, оказывается, раздражали Кирилла. Сама жизнь научила ее быть спокойной, разумной и сильной.

«Сколько же еще бродит по земле загубленных жизнью романтических героинь? – подумала Нина о себе прежней. – Мужчинам выгодно иметь рядом с собой несостоявшихся в карьере женщин, которые обречены под маской жены и матери прятать свой страх перед самостоятельной жизнью и настоящим делом. Такими женами проще управлять, и поэтому все больше и больше женщин не хотят жить в замкнутом пространстве семьи, не имея настоящих интересов, кроме каких-нибудь игрушек – шопинга, шейпинга, домашнего хозяйства и тому подобного».

Нина почти вплотную приблизила лицо к стеклу. Что она хотела увидеть там, в глубине отражения, в собственных темных зрачках? Лицо ее было ухоженным, спокойным и еще достаточно молодым. И нужно заметить, что не увидела она там ничего особенного. Сигнал домофона у двери прозвучал неожиданно, гулко и прерывисто.

«А вот весом вскоре придется заниматься всерьез!» – мысленно произнесла знакомое миллионам женщин заклинание Нина и спросила, готовясь нажать кнопку замка подъездной двери:

– Кто это?

Она не сомневалась, что это Кирилл, но вместо ожидаемого мужского голоса услышала пронзительный вопль Пульсатиллы:

– Это я, Нинок! Умираю!

Нина нажала на кнопку.

«Весьма неожиданно!» – подумала Нина про внезапный визит подруги, но не расстроилась: Пульсатилла и Кирилл давно были знакомы и относились друг к другу не враждебно, хотя и без особого дружелюбия. Однажды, во времена бурного романа Кирилла и Лизы, Пульсатилла засветила в сердцах Кириллу бутылкой по голове, нанеся ему этим не столько физический, сколько моральный ущерб. Но Кирилл уже давно не вспоминал этот эпизод. Его быстро развалившийся брак с Лизой автоматически извинил Пульсатиллу за этот поступок. Во всяком случае, ныне между ними был установлен твердый паритет. Бывший муж и лучшая подруга виделись редко и никогда теперь друг с другом не спорили.

«Какой-то голос у Таньки странный!» – удивилась Нина и вышла из квартиры, приготовившись встретить неожиданную гостью у лифта, как Афродиту, родившуюся из морской пены.

Но Пульсатилла вывалилась навстречу из створок раскрывшихся дверей вовсе не как прекрасный мифологический персонаж. Своим необычно бледным, растрепанным видом она напомнила Нине переварившуюся по недосмотру невнимательной хозяйки крупную рыбу.

– Что с тобой? – спросила Нина, чувствуя, что произошли какие-то неприятности.

В свои сорок два года Пульсатилла тянула на восемьдесят пять килограммов. И всем своим весом повалилась подруге в руки.

– Держись за меня и пошли! – Нина поволокла Пульсатиллу в квартиру.

Хорошо, что соседи теперь не имеют привычки подсматривать друг за другом в замочную скважину. В противном случае они могли бы подумать, что перед ними разворачивается сцена из остросужетного фильма: одна подруга спасает другую от преследования киллеров.

Как только Таня оказалась в квартире, Нина быстро закрыла дверь. Все-таки в ее доме теперь жили не какие-то там алкоголики, а сплошь добропорядочные господа, которые не приветствовали, если в подъезде появлялись подозрительные люди, пускай и женского пола. Старорежимная добропорядочность тупой и прочной Викторианской эпохи часто стремится к рождению в околлубуржуазной среде.

– Двигай сюда, на скамейку! – Пульсатилла плюхнулась на диван в прихожей, и ее растрепанный затылок тоже отразился в зеркале в странном обрамлении букета гербер. – Вода, туалет, валериановые капли – что в первую очередь? – Нина присела на корточки и стала снимать с Пульсатиллы ботинки.

– Веревку, чтобы повеситься.

«Хорошенькое начало», – подумала Нина, но виду не подала.

– Руки сама вынимай из пальто! Я ведь не маньяк, чтобы прямо в прихожей бросаться на женщин и их раздевать!

Пульсатилла шумно вздохнула, подняла Нину с корточек, встала сама и усадила ее на свое место. Потом самостоятельно стянула с себя пальто и криво намотанный на шею платок, повесила их на плечики. После чего вернулась на скамейку, стащила с ног шерстяные носки и стала ими томно обмахиваться. В коридоре запахло влажной шерстью.

– Пойдем займемся чем-нибудь более приятным! Например, выпьем чаю! – Нина обняла подругу за талию и попыталась ее приподнять. – Бросай носки и перемещайся в кухню!

– Дай отдышаться! – Пульсатилла не собиралась вставать. – Если бы не вспомнила о тебе, ей-богу, померла бы на дороге! Выскочила из дома в таком состоянии, что себя плохо осознаю!

– Скажи хоть, что случилось! – Нина и сама теперь почувствовала дрожь в коленях.

Пульсатилла ответила с плаксивыми нотками в голосе:

– Давно уже случилось! С тех пор как эта ненормальная, старшенькая моя, родилась! И теперь вот на радость мне выросла! Руки можно на себя наложить от такой радости!

– Ты лучше их помой, – отозвалась Нина, зная, что Пульсатилла обожает обеих дочерей. Проблемы родителей и детей присутствовали теперь в Таниной жизни постоянно, но уж если что на самом деле было способно привязать ее к жизни, так это дочери. Нина успокоилась. – Вот тебе чистое полотенце.

– Ну и отлично! Прямо в ванной и повешусь, – капризно пригрозила Пульсатилла, заметив, что ее жалобы не произвели на Нину должного впечатления. – Ванная – очень удобное для этого дела место. А если трубы хлипкие, – она открыла дверь и с сомнением осмотрела никелированный полотенцесушитель, – могу выброститься из окна. Ты на каком этаже живешь, я что-то забыла?

– На двадцать седьмом, – ответила Нина.

– Достаточно высоко. Больно не будет.

Нине надоел этот разговор.

– Чего в жизни не бывает? – сказала она. – Тебя вдруг спасут, а меня посадят. Скажут, что это я тебя выкинула. К примеру, из ревности. Лучше подумай, что тебе налить? У меня есть коньяк, ликер, виски, мартини и сухое вино. Если хочешь посидеть в обнимку с унитазом, из всего этого можно сделать коктейль. Выбирай!

– Лучше водки!

Нина развела руками:

– Чего нет, того нет. Правда, ко мне собирался зайти Кирилл, могу ему позвонить, чтобы купил по дороге. Позвонить?

При упоминании о Кирилле Пульсатилла поморщилась.

– О-ой, если он придет, значит, не удастся с тобой поговорить по душам, – вздохнула она. – Ну что за ерунда! Видимся раз в полгода. Такая оказия произошла – и тут опять Кирилл. Без него никак нельзя обойтись?

– Заранее нужно предупреждать, что придешь, – пожалала плечами Нина. Выбирая между Кириллом и Пульсатиллой, она, пожалуй, предпочла бы подругу. – Я его не звала, он сам напросился. Что же касается тебя, откуда я знала, что у тебя что-то случится? Просто так ты бы ведь не зашла?

– Что ж, если его визита избежать нельзя, лучше расслабиться и попытаться получить удовольствие, – философски вздохнула Пульсатилла. – Звони насчет водки! Заодно уж предупреди, что я здесь, а то он еще в обморок грохнется, когда меня увидит!

Нина привычно набрала знакомый номер.

– Смотри-ка, не забыла еще его телефончик! – ухмыльнулась наблюдательная Пульсатилла. Как бы плохо ни было ей самой, такие вещи по врожденной бабской привычке она всегда подмечала. – Часто ему звонишь?

– Нечасто. – Пульсатилла, видимо, уже пришла в себя, и Нина стала с ней разговаривать обычным голосом, не так, как вначале – будто с маленьким ребенком. – Его номер телефона – сочетание числа основания натурального логарифма и числа «пи». Очень просто запомнить.

Пульсатилла размашисто перекрестилась на микроволновку, стоявшую в углу на тумбочке, и закатила глаза к потолку.

– Бог с вами, с математиками, – сказала она. – Я такие слова и выговорить не могу!

Нина, засмеявшись, произнесла в телефонную трубку:

– Кирилл! Ты не надумал отменить свой визит?

Густой баритон что-то проклекотал ей в ответ.

– Ну хорошо. Тогда я уточняю, – она со значением посмотрела на подругу, – у меня сейчас в гостях Таня. Поэтому зайди, пожалуйста, в магазин и купи бутылку хорошей водки. Что значит «зачем»? Потому что надо. И приезжай на машине. Потом отвезешь Таню домой.

– Почему это я должен ее куда-то везти?! – послышалось в трубке, и Нина отошла в коридор, чтобы Пульсатилла не слышала. – Может, я хотел по старой дружбе остаться у тебя ночевать?

Нине не понравился его игривый тон.

– С чего бы это?

– Давно мечтаю еще разок переспать с бывшей женой, – хихикнул в трубку Кирилл.

«С первой бывшей женой, – Нина тут же вспомнила Лизу. – А есть еще и вторая».

– Если ты шутишь – то неудачно, – сказала она вслух. – В конце концов, я и сама могу сбегать за водкой.

(О, милые дамы в темных платьях на кринолинах с кружевными воротничками и нарукавничками, скромно сидящие в креслицах у камина в каменных домах, увитых розами, где-нибудь в старой Англии. Как хорошо, что вы не слышите телефонные разговоры современных молодых женщин! Ваши горничные не успевали бы расшнуровывать вам корсеты и подавать нюхательные соли.)

– Ладно уж, сидите с Танькой дома, – смиловился Кирилл. – Я сам привезу.

– Договорились! – Нина положила трубку и стала тормозить Пульсатиллу. Та опять сидела, уставившись в одну точку, будто в ней выключили мотор. Нина тронула ее за плечо. Черт побери! Как моментально проносится жизнь! Еще недавно они бегали с Пульсатиллой в одну школу, и вот теперь сидит здесь на кухне вместо подружки-девчонки сорокалетняя расплывшаяся тетка. Нине вдруг стало жалко и себя, и Татьяну. – Давай пока чайку или кофейку?

– Чего он сказал про меня? – Пульсатилла вдруг встрепенулась, подбородком указывая на телефон.

– Поинтересовался, давно ли ты здесь.

– А при чем здесь дурацкая шутка?

– Какая шутка? – Нина уже забыла собственные слова.

– Ну, ты ему ответила: «Неудачная шутка». Это про что?

– А, ерунда! Он сказал, что не прочь бы остаться у меня ночевать.

– Это он серьезно? – Пульсатиллу хлебом не корми, только дай узнать подробности чьей-нибудь личной жизни.

– Ты что, Кирилла не знаешь? Вагон апломба, хотя ему уже давно пора спуститься с небес.

Пульсатилла задумалась.

– Жаль. Он, в общем, был неплохой парень.

– Был. Пока удача его не испортила. И я еще не подкузьмила. Неправильно себя вела. Вместо того чтобы установить в семье паритет, жила только для него. Вот Кириллу и стало казаться, что он единственный мужчина в целом свете. Крыша поехала.

Уютно зашумел электрический чайник. Нина достала конфеты, варенье, коробку печенья.

– Тебе чай с бергамотом?

– А-а! Все равно.

Пульсатилла потянулась к коробке с конфетами:

– Сладкая жизнь!

Она, так же, как и Нина, как тысячи других женщин, регулярно с утра каждого понедельника снова и снова садилась на диету, но к концу недели как-то незаметно для себя с нее соскакивала, и не всегда с потерей килограммов. Чаще даже оказывалась с прибавкой в весе. В данный же момент она и не задумалась о фигуре.

– Настоящая женщина, к твоему сведению, и должна вот так! Жить только для своего единственного мужчины!

– Ты это о ком? – удивилась Нина.

– Да все о тех же. О мужьях.

– А-а! Понятно. – Жалость исчезла, и вместо нее Нина почувствовала раздражение. – Не помнишь, значит, как считала единственным и неповторимым своего собственного муженька и чем он тебе на это ответил? Или забыла, как пять лет назад самолично трахнула Кирилла по башке коньячной бутылкой?

– Не забыла. Но может, Кирилл с тех пор изменился? Жизнь его кое-чему научила?

– Научила, вот он немного и поутих. А приподнимется снова, так и опять будет точно таким же хамом.

– Можно провести опыт и посмотреть, – широко раскрыв глаза, взглянула на Нину Пульсатилла.

– Пусть любители ставят опыты на мышах, – ответила Нина. – Это безопаснее.

– Для мышей?

– Для всех. Опыты иногда бывают смертельными. Я, во всяком случае, пробовать не хочу! – Нина вздохнула. И пока Пульсатилла машинально накладывала себе полное блюдечко клубничного джема, Нина почему-то думала вовсе не о Кирилле, а о совсем малознакомом ей человеке по имени Юрий, приходившем в их контору сегодня утром. Интересно все-таки, есть ли у него семья? Наверное, есть. – Как говорят, от добра добра не ищут. Твой-то бывший муженек еще не созрел для проведения экспериментов?

– Финита ля комедия. – Пульсатилла беззаботно запихнула в рот ложку джема. – Не заходил и не звонил уже больше года. Даже девчонок с днем рождения в этом году не поздравил. Видно, решил, что они уже взрослые и им отцовское внимание ни к чему.

– Ты говорила, у него в новом браке кто-то родился?

– Родился. – Пульсатилла криво усмехнулась. – После того как у нас младшая дочка появилась, он еще все пыжился, все лапшу мне на уши вешал, что хочет сына. А сам опять только на девку и смог сподобиться. Теперь у него три дочери. – Пульсатилла вздохнула. – Три сестры. Правда, матери у них разные. – Она горестно подперла голову рукой. – Уже семь лет прошло с тех пор, как он от нас ушел.

– Ничего, воспитает и третью дочку. Последыши всегда самые любимые, – задумчиво сказала Нина.

У Пульсатиллы от обиды задрожали губы:

– Настолько любимые, что о детях от первой жены он даже забыл. Пластайся, дорогая, как хочешь! На нем я поставила жирный крест. Жаль, что нельзя изменить у девчонок его гены. Вытравить бы их серной кислотой! Видно, они-то теперь и дают о себе знать.

Нина вспомнила, в каком состоянии явилась подруга.

– Да расскажешь же ты наконец, что случилось?

У Тани при воспоминании о собственных невзгодах расслабились, опустились плечи, и вся ее крепко сбитая фигура приняла мешковатый вид. Ей, казалось, уже и не хотелось говорить о себе. В душе перегорел огонь возмущения, теперь в ней наступила тишина.

– Все старшенькая моя! – произнесла она вяло. – Оказалась вся в папашу! Упрямая – просто как черт! Утром сказала мне, что ночевать домой не придет. А час назад обрадовала тем, что решила выйти замуж. А когда я попыталась донести до ее сознания, что в таком случае уж тем более можно спокойно ночевать дома, она просто расхохоталась и отключила телефон. – Пульсатилла замолчала с трагическим видом. Нина тоже молчала, помешивая чай.

Пульсатилла потянула к себе еще одну конфету и начала снова:

– Замуж она, видите ли, собирается! За мальчишку-однокурсника. Ей еще два года в институте доучиваться, а уже не терпится грязные носки стирать и с пеленками возиться.

– Может, этот парень и есть ее единственный в целом свете? – заметила Нина, ставя чашку на стол. – Насчет пеленок не беспокойся, сейчас есть памперсы.

– На них тоже нужны деньги!

– Ну уж она пусть сама и думает об этом.

Таня только махнула рукой.

– О чем они думают в этом возрасте! Только о том, как выскочить замуж. Видишь ли, она у меня устала бороться за жизнь! – Огонек возмущения снова загорелся в глазах Пульсатиллы. – Так сама и сказала. В девятнадцать лет уже устала!

– И ты из-за этого тут металась как сумасшедшая?

– Попадись она мне под руку, я бы ее просто убила! – посмотрела на Нину Пульсатилла. – Я во всем себе отказываю, чтобы Вика получила высшее образование, а она мне заявляет, что ей все надоело и она хочет замуж! А меньшая, Катька, все это слушает, развесив уши!

– В девятнадцать лет трудно понять, что хорошо, что плохо. – Нина подлила себе еще чаю. – Я ведь тоже после третьего курса замуж выскочила за Кирилла. Да и ты, если не ошибаюсь, тоже старухой не была, когда Викой забеременела... Разве не помнишь?

– Ну и чем все закончилось? И у тебя, и у меня? – Таня подумала, что Нина рассуждает так спокойно, потому что у нее нет детей и она не может себе представить, что значит днем и ночью за них волноваться и беситься оттого, что они не понимают, казалось бы, элементарных вещей.

– Тем же, чем и у тех, кто выходил замуж и раньше, и позже нас и даже вообще никогда не выходил. Большинство моих знакомых сидят в своих квартирах и, скучая, гоняют чай или мучаются, в одиночку воспитывая детей. Счастливых пар, по моим наблюдениям, на свете не так уж много! – заключила Нина, как точку поставила.

Пульсатилла почувствовала, что зря она со своими тревогами пришла к Нине. Успокоить ее могла любая другая женщина, пусть гораздо менее умная, чем Нина, но зато понимающая ее в полной мере, то есть любая женщина-мать, но не холодная, вполне довольная своим положением Нина. Пора было сменить тему разговора.

– Ой, как мужичка хорошего хоц-ц-с-са! – вдруг совершенно вроде бы не к месту сказала Таня и вальяжно потянулась всем телом, сразу превратившись в привычную с детства подружку – хохотушку и красавицу. Тут же, словно ей в ответ, раздался пронзительный сигнал домофона.

– Вот мужичок и пожаловал собственной персоной. – Нина пошла в коридор открывать. – Коньячную бутылку для самообороны на всякий случай возьми! – крикнула она уже от двери.

Таня вышла в коридор следом за ней.

– Ваша мама пришла! Водки вам принесла! – довольно противным голосом заблеял Кирилл в домофон.

Женщины переглянулись, открыли дверь и оставались в ее проеме все то время, пока скоростной лифт не поднял Кирилла на двадцать седьмой этаж.

4

Мужчина всегда судит о себе по своей работе и достижениям, самооценка женщины зависит от межличностных отношений. 70–80 % мужчин утверждают, что главное всего для них работа, большинство женщин выше ставят семью. Вот почему если женщина несчастлива в личных отношениях, то она не может сконцентрироваться на работе. Если мужчина несчастлив на работе, он не может заниматься личными отношениями.

Мнение популярного журнала

Лиза после встречи в офисе с Ниной побежала не домой, а в редакцию. Во-первых, надо было получить деньги, а во-вторых, она хотела посмотреть собственный вышедший в свежем номере материал. Конечно, она могла бы сделать это и завтра, и еще через день, но... Откровенно говоря, Лизе не хотелось идти домой. Осенний вечер опустился на город, зажег многочисленные огни. На улицах было сухо и относительно тепло. Упавшие за день листья лежали желтым покровом на еще зеленой траве газонов. Сквозь стекла витрин были видны люди, рассматривающие товары в магазинах и сидящие в кафе. Лизе страшно захотелось вот так же, не торопясь, усесться за столик, сделать заказ и, никого не ожидая, спокойно пить кофе или тянуть прозрачное вино из бокала. Потом поесть, расплатиться и уйти, зная, что дома никому не надо ничего говорить, нет нужды по дороге заходить в магазин, не надо вспоминать, остались ли на завтра продукты, детское питание, соки. Она хотела бы, придя домой, сначала беззаботно погрузиться в ванну, потом выпить еще чашечку кофе и, наконец, с легким сердцем и со свободной душой усесться за компьютер. Закончить к полуночи статью и посмотреть последние написанные страницы своей будущей книги. Лиза не сомневалась, что книга вызовет интерес. Теперь она шла в редакцию, ловко лавируя среди прохожих, иногда ловя на себе взгляды ухоженных женщин и молодых мужчин, и вспоминала, как днем чуть не с боем вырывалась из дома.

Утро было кошмарным. Она готовила завтрак на кухне и упустила из виду, что в комнате, где она оставила Сашку, установилась подозрительная тишина. Лиза прошла в детскую: сын босиком, без штанов, в одной пижамной куртке стоял на подоконнике и дразнил голубей, усевшихся на соседнем балконе. Голуби настороженно косили на Сашку круглыми глазами, но не улетали.

– Кыш! – не выдержав, громко закричал он на них и замахнулся рукой. Еще секунда, мальчик потерял бы равновесие и упал с подоконника, если бы подскочившая Лиза не успела его подхватить. Стопы у ребенка были ледяными. Лиза закружила его по комнате, повалилась с ним на диван и, не давая ему опомниться, стала запихивать его упругие, твердые и сильные ноги в мягкие туннели колготок. «Только бы не простудился!» – думала она. Сашка, втайне опасавшийся, что ему попадет за подоконник и голубей, относительно легко позволил надеть на себя рубашку, штаны, а поверх еще вязаный жилет. В квартире было прохладно.

– А ты ведь еще не умывался! – вспомнила Лиза, закатала ему рукава выше локтей и потащила в ванную. Время упустить было нельзя – Сашка терпеть не мог умываться, поэтому неожиданность и натиск в этом деле были главными слагаемыми успеха.

«Он у тебя ужасно избалован», – говорил Лизе отец в те редкие дни, когда приходил к ней в гости. «Ты не умеешь его воспитывать!» – внушала мать, когда Лиза забегала с Сашкой ее навестить.

К счастью, Сашкины бабушка с дедушкой с другой стороны не проявляли к ним никакого интереса – Лиза, таким образом, была избавлена от необходимости выслушивать еще и их советы. Проблемы разрешать всегда легче издали – это она поняла с тех пор, как родился

сын. Почему же он родился именно таким – непослушным, упрямым, болезненным, – было выше ее разума. Ее бывший муж, Сашкин отец, бравый молодой офицер, после того как они разошлись с Лизой официально, женился во второй раз, к ним заходил редко – раз в год, когда приезжал в Москву в отпуск. Оставаясь с Сашкой, он явно скучал, да и мальчику был безразличен. Сашка не чувствовал в нем отца и с гораздо большим удовольствием играл с дедушкой. Никто по большому счету на общении не настаивал, и Лиза поняла, что никому они с Сашкой и не нужны. Все были заняты своими делами. Получается, что жила она с сыном практически одна, не считая Гали, работавшей у нее няней.

Галя с ее характерным южнороссийским говорком была девушкой умной, приятной, со средним педагогическим образованием и не претендовала на высокую оплату своего труда. Лиза хоть и являлась потомственной москвичкой, но тоже, как и южанка Галя, жила на съемной квартире и платила за жилье сама. Няня, девушка, самостоятельно пробивающаяся в жизни, так же как и сама Лиза, была ей ближе, чем многочисленные занятые собой родственники.

Терпеливо выдержав сопротивление – Сашка во время умывания размахивал намыленными кулаками и специально целился ей в лицо, – Лиза выпустила его и отправилась в кухню. Времени на прогулку с ним у нее уже не оставалось. Еще нужно было сварганить что-нибудь на обед. Выпущенный из ванной, Сашка вновь отправился на охоту за голубями. Теперь он стал целиться в них из ружья дротиками с присосками.

– Яичница остывает, пойдём! – позвала Лиза сына.

Неизвестно еще, пошел бы он сразу или нет, но, к счастью, птиц кто-то спугнул, и на соседнем балконе пернатых не осталось. Вяло поковырявшись вилкой в яичнице, Сашка схватился за сдобный сухарь, который непостижимым образом вытянул из довольно далеко убранной вазочки. Вместе с сухарем он сполз с табуретки и спрятался под столом. Лиза была вынуждена сделать вид, что ничего не заметила. Ей требовалось наконец заняться приготовлением обеда, но вначале был необходим глоток кофе.

«А как же живут другие? У которых нет денег, жилья и родственников? – успокаивала она себя, пока растворимый суррогат порциями проникал в ее желудок. – Как живут? Так и живут, может быть, гораздо хуже, чем я. Но большинство матерей все-таки не пишут книги, не работают в журналах. Если бы мне не нужно было ехать сегодня на интервью, утро не оказалось бы испорчено. Мы пошли бы с Сашкой гулять, потом вместе смотрели мультики, потом обедали... В общем, проблема заключается в том, что я не могу, как другие, терять время, сидя с ребенком дома!»

Машинально она скатывала кругляшками фарш, кипятила в кастрюльке воду для супа. «Но для того чтобы сидеть дома с ребенком, нужен кто-то, кто мог бы зарабатывать деньги. Например муж. У меня его нет, и он мне не нужен. Я должна сама делать карьеру, платить за квартиру, содержать няню... И мне уже двадцать шесть лет».

Чей-то голос, очень похожий на голос мамы, тут же ей возразил: «Зато, если ты сядешь с ребенком дома, он не будет нервничать оттого, что ты все время куда-то уходишь, и перестанет капризничать!»

Она отвечала: «Еще неизвестно, перестанет или нет. Но если я буду сидеть дома – я точно сойду с ума! Не выдержу, не смогу. Ему исполнится семь, мне – тридцать. Мне придется начинать карьеру сначала. А погрузиться на несколько лет только в заботы о ребенке, думать о продуктах, тряпках как о главном – сама мысль об этом ужасна. Я уже буду не я в таком случае. Ребенок сожрет меня без остатка. Нет, ни за что. Вот я поеду сейчас брать интервью, вечером сяду за компьютер, стану писать книгу. И что бы ни говорили вокруг, буду ощущать свою ценность, двигаться, мыслить, чувствовать себя человеком, а не курицей, способной только высидеть яйца».

– Хо-чу-у-у гу-у-уля-я-ять! – раздался пронзительный вой из-под стола. Это сын, видя, что мать не обращает на него внимания, решил напомнить о себе.

– Теперь жди Галю. Пойдешь гулять с ней после обеда, – как можно более непринужденным тоном сказала Лиза и полезла в пакет за морковкой. – Надо было сразу вставать с постели. Я предупреждала, что мы можем не успеть на прогулку.

Сашка вылез из-под стола, бросился на пол и стал изо всех сил молотить ногами.

– Сейчас придут соседи снизу узнать, кто это стучит им над головой! – нарочно равнодушным голосом предупредила Лиза.

– Не приду-у-ут! – продолжал вопить Сашка.

«Мама рассказывала, что в детстве я тоже была упрямая как ослица. – Лиза, сдерживаясь изо всех сил, чистила лук. – Впрочем, я, наверное, упрямая и сейчас. – Луковые слезы капали с ее щек в миску, где уже плавали очищенные кругляки картофеля. – Только бы не сорваться! – думала она. – Раз утро пропало, надо отвлечься, думать об интервью. Вечером, когда я вернусь, останется немного: почитать ему на ночь книжку – и в постель. А потом я смогу заняться настоящей работой».

Лиза повернулась к плите и принялась бросать овощи в кастрюльку. Сашке надоело орать, он поднялся с пола, сделал вид, что стреляет в мать из ружья, и, не получив на это никакой реакции, как ни в чем не бывало пошел в комнату, унося с собой вооружение. Лиза вымыла руки – не прежние изнеженные ручки все в колечках и браслетиках, а настоящие рабочие руки с парой сломанных ногтей на указательном и среднем пальцах, с тыльной стороны немного обветренные, с ладонной – шелушащиеся. Когда последняя картофелина была порезана и запущена в кастрюлю, некий странный запах, распространившийся из комнаты, примешался к аромату овощного супа. Лиза пошла посмотреть, чем же все-таки занялся сын. Результат превзошел ожидания. Сашка раскрыл единственную Лизину коробочку французских духов и с воодушевлением разливал ароматную жидкость по трем машинкам-цистернам из своего нового набора. Накануне только Лиза объяснила ему, что в одной из них перевозят молоко, в другой – квас, а в третьей – бензин. По логике вещей в разные цистерны следовало бы заливать разные жидкости. Но Сашка схватил один флакон.

– Позволь мне узнать, – Лиза почувствовала, как от ярости у нее заболела голова, – почему ты выбрал именно духи, а не воду, молоко или компот?

Ей так было жалко этот флакон! Она купила его на первые деньги, заработанные в журнале, в первый год, как приехала домой после второго неудавшегося замужества. Купила, несмотря на полную неустроенность быта, в день, когда получила свидетельство о разводе, и очень их берегла, потому что любимый аромат придавал ей силы и поддерживал уверенность в себе.

Глазенки у Сашки слегка округлились. В голосе матери он почувствовал нечто неожиданное. Сначала он немного потупился, как бы в смущении, а потом картинно развел пухленькими руками:

– Не знаю!

– Ты разлил мои духи! – строго сказала Лиза. – Получилось, что ты их как будто сломал. А если я сейчас возьму и сломаю твои машинки? Это же будет нехорошо?

– Ломай, пожалуйста, – повел плечами Сашка.

– Ах, ломай? – Лиза взяла одну из цистерн и спрятала в кулаке.

– Я знаю, что ты не сломаешь! – изо всех сил закричал Сашка, и крупные слезы сами покатались у него по щекам.

– Да, я не буду ломать. – Лиза поставила цистерну на место. – Потому что я тебя люблю. А ты меня любишь?

– Я не ломал! Не ломал! – закричал Сашка, не отвечая на основной вопрос.

– Но духов теперь у меня нет. – Лиза села на край дивана, по которому расплзлось темное масляное пятно. Благоухало от него по всей квартире. Она вспомнила, сколько у нее было прекрасных вещей, когда она жила с родителями. Теперь не осталось почти ничего, чем

бы она дорожила. Только компьютер и духи. Духи стали символом ее женственности. Вернуть их было нельзя, и даже новый флакон не смог бы заменить ей старый. Нужно встать и пойти посмотреть, как там суп. Но Лизе стало все равно, что будет с супом. Ей хотелось заплакать, но она не могла. Сашка подошел к ней с чашкой в руках.

– Подержи, – сказал он и начал изо всех сил трясти над чашкой одной из машинок. Действительно, несколько капель вырвались наружу и упали на хозяйский ковер, но в чашку возвращаться не захотели.

– Придется мне теперь брать в сумку твою машинку, – устало произнесла Лиза.

– Зачем? – не понял Сашка.

– Чтобы хорошо пахло. Уж если не от меня, так хоть из сумки.

Сашка на это ничего не ответил, уложил машинку в коробку, убрал ее в шкаф, достал альбом с карандашами и как ни в чем не бывало уселся рисовать.

«Пай-мальчик», – не без иронии подумала Лиза и пошла в кухню. Суп был практически готов. Она посмотрела на часы и стала собираться. Надела черные брюки, яркий красный свитер, натянула на голову рыжий парик. Пять лет назад парик у нее был, как у Мэрилин Монро. Она делала такой же макияж и гордилась сходством со знаменитой актрисой. Теперь это сходство стало ей неприятно. Она хотела быть самой собой и терпеть не могла разглядывать старые фотографии. А рыжий парик сделался теперь необходимостью, а не данью оригинальности. Там, в Забайкалье, после родов Лизины собственные волосы стали вялыми, потускнели, плоско прилипали к голове и к тому же начали сильно вылезать. Парик был средством защиты и одновременно тюремщиком – без него она теперь не могла обойтись. Рыжие в искорку волосы, завитые в спиральки, струились от ее лица во все стороны – по плечам и спине, – они придавали особую пикантность ее внешности. Никто не подозревал, что Лиза носит парик, – так они органично смотрелись. Лишиться этого имиджа означало выставить себя на посмешище. И что было самым плохим – сколько Лиза ни пыталась справиться с этой проблемой, сколько ни ходила по врачам и косметическим салонам, результат оставался прежним. Уже прошел почти год, как она рассудила: будь что будет. Были же, в конце концов, среди актрис и певиц и совершенно лысые женщины. Та же Эдит Пиаф к концу жизни прической похвастаться никак не могла. Правда, парик она не носила, но Лиза пока еще не была готова без него обойтись.

В дверь позвонила Галя. Сашка как сидел за столом, так и остался сидеть.

– Пойди поздоровайся, – велела ему Лиза.

– Привет, – с деловым видом буркнул сын со своего места, как будто рисование было первейшим его увлечением.

Галя понимающе улыбнулась Лизе.

– Чем это у вас пахнет? Ремонт в соседней квартире делают? – спросила она, раздеваясь.

– Наверное.

Лиза собрала свою сумку, надела куртку, не забыв бумажку с адресом.

– До свидания, Саша! – Она подошла поцеловать сына.

Он махнул в ее сторону рукой и проговорил:

– Пока! Пока!

– Суп на плите, творожники в холодильнике, – сказала Гале Лиза и закрыла за собой дверь. Ура! Теперь она была свободна на долгие пять часов! Она шла к метро, смотрела по сторонам и наслаждалась жизнью. В вагоне метро оказалось свободное место. Она села и практически сразу же закрыла глаза. «Как чудесно, что впереди целых шесть остановок! Можно наконец обдумать вопросы будущего интервью». Вокруг входили и выходили люди, рядом с ней вставали и садились пассажиры, а Лиза сидела с закрытыми глазами и чувствовала себя Наполеоном периода итальянской кампании. А окружающим, во всяком случае тем, кто случайно обратил внимание на рыжеволосую девушку, дремавшую на сиденье в углу, казалось,

что перед ними сидит человек, отработавший по меньшей мере одну за другой пару ночных смен без перерыва.

Вечером народ из редакции повалил по домам. Впрочем, всех сотрудников было не так уж и много. В отсеке, ведущем к кабинету главного редактора, ярко горел свет.

«Нет, мне сейчас не туда!» Лиза свернула к комнаткам бухгалтерии. Там люди тоже еще были на месте.

– Деньги перечислили на мой счет? – просунула Лиза голову в дверь.

– Должна была уже получить! И истратить! – хором сказали две девушки, не отрываясь от компьютеров. Они знали Лизу по голосу. – Не мешай, закрываем месяц! Много работы!

Лиза послала воздушный поцелуй, который девушкам некогда было получить, и побежала к себе в отдел. На полу горкой лежали пачки с вновь вышедшим номером журнала. Торопясь, она разорвала пальцами полиэтиленовую упаковку и уставилась в оглавление, покусывая губу. Вот в середине номера ее статья. Лиза наспех пробежала глазами нужные полосы и посмотрела первую, вторую и последнюю страницы обложки. Анонса статьи на обложке не было.

«Ведь Татьяна Михайловна мне обещала!»

Лиза снова закрыла журнал и внимательно рассмотрела обложку. Известная певица была сфотографирована на ней стоящей на четвереньках и в расстегнутой до пупа рубашке, так, чтобы во всех подробностях была видна искусно сделанная косметологами грудь. Лицо поп-дивы тоже было недавно исправлено и подтянуто, а заодно покрыто боевой раскраской наиболее агрессивных индейских племен.

«С тех пор как я вышла замуж, чувствую в себе необыкновенный прилив сил!» – прямо по фотографии жирным красным шрифтом были выведены слова певицы, и помещались они где-то между нижней частью ее живота и верхней третью бедер. Ее глаза, будто в подтверждение этих слов, ненатурально блестели, как у маньяка, подстерегающего в подъезде очередную, сто пятую жертву.

Лиза смешно надула щеки, сказала: «У-уф-ф!» – и опустилась на стул, собираясь прочесть свою статью. Сзади раздались чьи-то шаги. Длинная тень выросла за ее спиной и быстро добралась до подоконника.

– Что тут сидишь в полутьме? – Это появилась Татьяна Михайловна, женщина не по годам спортивная, всегда пребывающая в ровном деловом настроении.

«Откройте секрет вашей молодости», – иногда просили Татьяну Михайловну девчонки из бухгалтерии. «Он очень прост, – смеялась она. – Вы вот читаете наш журнал и тут же забываете все, что там написано. А я всегда следую собственным советам».

Лизе было непонятно, говорит Татьяна Михайловна это в шутку или всерьез.

– Вы же обещали дать художнику анонс моей статьи, чтобы поместить на обложку! – встала навстречу ей Лиза.

– Я помню, но сама посмотри на фотографию! – Татьяна Михайловна присела на стул за соседним столом. – Место, чтобы поместить анонс, оставалось только на сиськах этой дивы. Но, во-первых, что бы сказала нам эта певица, закрой мы текстом предмет ее гордости? А во-вторых, ты хорошо помнишь слова, которые вынесла в подзаголовок? «Энгельс был прав, утверждая, что богатство мужа превращает жену в рабыню». Кто бы потерпел такую двусмысленность? Муж-миллиардер, счастливый хозяин этого бюста, наслал бы на нас группу киллеров. Скажи спасибо, что главный вообще не выкинул твою статью из этого номера. Тоже нашла кого цитировать в наше время – Энгельса!

– Так эта цитата и придает пикантность всему материалу! Нынче, однако, забыты старые общеизвестные истины.

– Не будем спорить, Лиза, – устало сказала Татьяна Михайловна. – Как поживает твоя дочка? Растет, поправляется?

– У меня сын.

– Да, я вспомнила, дочка у Лены из бухгалтерии. Нарожали тут, таблеток от склероза не хватает, чтобы про всех не забыть. Но ты пиши, девочка, дальше! Главный сказал, что ты способная и тебя можно потихоньку продвигать. Смотри не зазнавайся, это я тебе по секрету сказала. И старайся! – Татьяна Михайловна выразительно постучала пальцем по обложке, и палец пришелся как раз на лоб певицы. – Но вот скажи, дорогая, – глаза Татьяны Михайловны хитро прищурились, – ты вот пишешь свои разоблачительные статьи. А не думаешь, что большинство читателей тебя не понимают и только и мечтают, как бы подцепить богатенького Буратино. В конце концов, не так уж плохо, когда у мужа много денег!

– Плохо, когда он пользуется тем, что у жены их мало и ее жизнь целиком зависит от его расположения или нерасположения, – серьезно ответила Лиза.

– А если любишь? Какой же выход? – Видно, что разговор этот был интересен самой Татьяне Михайловне.

– У женщины должно быть свое занятие, способное ее прокормить.

– При советской власти так и было, – улыбнулась шефиня. – Женщины тогда говорили о себе, что они похожи на вьючных животных, работающих и на производстве, и дома, а в газетах во множестве публиковали статьи, в которых журналисты и общественные деятели всерьез ратовали за то, что мужья должны зарабатывать столько, чтобы жены спокойно могли сидеть дома и воспитывать детей. Ты-то этого не можешь помнить, ты слишком молода, но твоя мама наверняка знакома с этими дискуссиями.

– Моя мама не работала с тех пор, как вышла замуж, – ответила Лиза и прямо посмотрела в ухоженное лицо начальницы. – А я хочу стать хорошим журналистом!

– Ну что ж, похвально! – Татьяна Михайловна тяжело оперлась о стол, но встала со стула вполне грациозно. Лиза подумала, что, несмотря на стройность и молодость, у начальницы болит поясница, но она никому об этом не говорит. Шефиня мягко повернулась на невысоких, но изящных каблучках и подмигнула Лизе: – Бог в помощь, девочка! Раньше бы сказали: «Вперед, к новым трудовым свершениям!» – Она сделала Лизе ручкой и пошла по своим делам.

«Да, вот такой, как она, я тоже хотела бы быть к своим пятидесяти годам! – подумала Лиза, в третий раз открыла свою статью и задумалась. – Или такой же, как Нина...»

В первую же минуту, как только Лиза вошла в комнату, она узнала женщину, о которой должна была написать статью. Она растерялась, не зная, как представиться Нине. Не спросишь же: «Вы меня не помните? Это я когда-то увела от вас мужа». И хотя последнее их свидание вышло вполне дружелюбным, Лизе тяжело было вспоминать, что тогда, пять лет назад, она оказалась не права.

Лиза протянула Нине визитную карточку и вдруг поняла, что собеседница ее не узнала. Лиза удивилась, сначала не поверила, но потом вспомнила про парик, увидела, как отстраненно держится Нина, и успокоилась.

«Не узнала, тем лучше. Если вспомнит, значит, после поговорим. А сейчас главное – работа».

И Лиза действительно собрала хороший материал. При этом ее искренне порадовало, что Нина после развода не опустилась, не растерялась, а, наоборот, поднялась и теперь живет той жизнью, которую выбрала сама. При этом Лиза невольно вспомнила о своей матери, и сравнение это оказалось, конечно, в пользу Нины.

«Я напишу хорошую статью! – решила она. – Если Нина позволит, расскажу читателям о ее разводе и поставлю проблему: что лучше – жить так, как хочешь, не имея семьи, или подавлять себя в угоду близкому человеку?»

У Лизы уже зачесались руки сесть за компьютер, но тут в тишине комнаты затрезвонил ее мобильный телефон, да так отчаянно, что у нее сразу возникло ощущение: что-то случилось. И точно. Голос Гали, а это звонила она, был напряжен.

– Лиза, ты где? У Саши поднялась температура. Пока тридцать восемь и три. Что ему дать из лекарств? Ты скоро приедешь?

Как всегда, когда у Сашки поднималась температура, Лизу охватывала паника. Разговоры типа «Все дети болеют, ничего особенного» были не для нее. Когда Сашка заболел – а случилось это довольно часто, – она всегда вначале чувствовала ужас и желание убежать куда-нибудь на край света, чтобы от этого ужаса скрыться. Конечно, она никуда не бежала и сама решала все исходящие из текущего момента задачи, но чувство ужаса, противная слабость в ногах, замедленная способность соображать, покрывающиеся холодным потом руки и сердцебиение настолько были противны ей, что даже снились в ночных кошмарах. Одна мысль о том, какой Сашка становится больной – жалкий, тяжелый, красный, покрытый испариной, – могла привести ее в состояние болезненной слабости. Лиза боролась с ней. Ей не на кого было переложить заботы о сыне. И она старалась не обращать внимания ни на свое сердцебиение, ни на слабость, а заставляла себя делать то, что нужно – поить его лекарствами, следить за температурой и ждать. Ждать – вот что было тяжелее всего. Поможет или не поможет лечение – каждый час ожидания становился для нее пыткой. В такие часы Сашка лежал с полузакрытыми глазами и стонал. Запихнуть в него лекарство было проблемой. И тогда она еле сдерживала себя, чтобы не стучать без разбору во все чужие двери, не бегать по улицам и не кричать дурным голосом: «Помогите! Скорее! Кто-нибудь! У меня умирает ребенок!»

В последний год Лиза научилась сдерживаться, но глупые мысли все равно лезли в голову. «А если лекарство не поможет?» – с замиранием сердца думала она. Но лекарство, к счастью, до сих пор рано или поздно помогало. Сашкин организм справлялся с болезнью, но каждый раз, когда он заболел вновь, ее кошмар повторялся сначала. Ничего на свете не было для нее страшнее тех ночей, когда сын болел.

И вот теперь у него снова поднялась температура. Месяца не проходит, особенно осенью, чтобы он не заболел. А ведь она старается не посещать с ним публичные места! Не стремится к тому, чтобы он был в контакте с другими детьми. На прогулки они ходят в парк. По магазинам она носится одна, благо у нее есть Галя. И все равно, все равно... Наказание!

Как она мечтала, что с самого раннего возраста будет закалять сына, запишется в туристическое общество, станет брать его с собой в поездки, ходить вместе в бассейн! Какие поездки, когда он бесконечно болеет – то уши, то сопли, то кашель, то живот! Она и не подозревала, что материнство – такой тяжкий крест! Она думала, если человек способен зарабатывать деньги – он в состоянии вырастить ребенка. Теперь же вся жизнь оказалась переиначенной, перекроенной, подчиненной только одному – сыну, маленькому существу, которое радуется далеко не всегда, но без которого она просто не мыслит своей жизни.

– Галя, лекарства на полке в шкафу. Если температура не опустится через час, поставь еще жаропонижающую свечку! Я выезжаю с работы.

– Ты же знаешь, со свечкой он даже не позволяет к себе подойти!

Лиза поняла, что Галя шепчет специально, чтобы Сашка не слышал.

– Я знаю, я выезжаю!

Она захлопнула журнал, засунула его в сумку, машинально поправила рыжий парик и выскочила на улицу. Ничто уже теперь не имело для нее значения: ни желтые листья, ни теплый вечер, ни прелестное небо, внезапно очистившееся от облаков, темно-синее над ней, но еще светившееся розовым далеко за домами. И люди сидели точно так же в кафе, и продавцы всякой мелочи колготились у метро, но Лизе безразличны стали витрины магазинов, яркие развалы книжных лотков. Она устремилась в метро, смешавшись с толпой усталых, запыленных городом пассажиров, и считала минуты, за которые ей удастся добраться как можно скорее.

Практически около дома снова зазвонил мобильник. «Сашке плохо!» – бешено заколотилось сердце. Но нет, в трубке звучал знакомый мужской голос.

– А, папа! Привет! Как мои дела? Неважнецки. Сашка опять заболел. Вот бегу домой. Ты тоже заедешь? Отлично. Только на угощение не рассчитывай, неизвестно, что с ним. Деньги? Да, деньги не помешают, только в придачу к ним не рассказывай мне, пожалуйста, какой ангельский ребенок твоя четырехлетняя дочь, моя сводная сестра. Я этого сейчас не вынесу, папа. На фоне Сашкиных болезней рассказы о прекрасных чужих детях кажутся мне добросовестным заблуждением.

– Что это значит? – раздалось в ответ.

Лиза напряглась.

– Но, папа... Когда после моего отъезда ты развелся с мамой и женился на любовнице, с которой, как оказалось, поддерживал отношения многие годы, я тебя поняла. Но считать своей родной сестрой твою дочь от нового брака я не могу, хотя желаю ей всяческих благ. Почему не могу? Очень просто – из эгоизма, папочка. Мы все эгоисты, включая тебя. Ты не захотел больше жить с мамой, хотя прекрасно знал, какой трагедией будет для нее развод. Я из эгоизма не признаю твою дочь – ведь она отняла у меня отца! Мы с ней теперь делим тебя на двоих, и, подозреваю, той девочке достается больше, чем мне. Кроме того, невольно она отняла у меня твои деньги.

Лиза так устала за этот день и так разволновалась по поводу Сашки, что ей было все равно, что подумает про нее отец. Она бежала по темной улице и говорила ему то, что думает, впервые в жизни. Может быть, говорила ему сейчас и не очень справедливые вещи, но она чувствовала, что не в состоянии больше вежливо улыбаться, слушая рассказы отца о его новой семье.

«Обидится – ну и пусть, – думала она. – Вся наша жизнь состоит из обид и побед. И мама тоже вправе на него обижаться. Но отец слишком умен, чтобы не понимать правды».

– Да, папочка, конечно, ты помогаешь мне материально, – сказала она вслух и подумала: «Не слишком большая помощь. И не очень, кстати, частая, но все равно я и за это ему благодарна. Мама вообще не имеет возможности мне помогать». – Папа! – Лиза почти кричала на всю пустынную уже улицу. Голос ее гулко разносился, эхом отражаясь от стен домов. – Конечно, никто не выгонял меня из дома! Но... Как мне было жить в этом доме с мамой? Она почти помешалась после твоего ухода! Мне даже показалось, что вначале она возненавидела меня за то, что ей пришлось отдать столько сил мне, вместо того чтобы что-то сделать для себя. Даже сейчас, когда прошло уже четыре года со времени вашего развода, она не может успокоиться и свыкнуться с мыслью, что ты женат на другой женщине. – Лиза замолчала, выслушивая ответ. Потом уже гораздо тише проговорила: – Ну не буду, не буду говорить такие невозможные слова! Я знаю, что сама решила жить отдельно... Я это помню! Приходи, я действительно буду тебе рада. И не только из-за денег. Мне хочется поговорить с тобой о моей работе. Ой, не рассказывай, что твоя новая жена считает, что самое главное в жизни женщины – воспитание детей. Мама тоже когда-то так считала. Все, папа! Больше ничего обидного не скажу! Приходи! Если у Сашки температура будет не очень высокая, поговорим!

С этими словами Лиза как раз дошла до подъезда и открыла замок своим ключом.

5

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Лев Толстой

...Женщины были большой силой в кланах, да и везде вообще. Случалось, что они не останавливались перед смещением вождя (племени) и разжалованием его в простого воина. Обычно в доме господствовала женская половина; запасы были общими; но горе тому злополучному мужу или любовнику, который был слишком ленив или неловок и не вносил своей доли в общий запас.

Сколько бы ни было у него в доме детей или принадлежащего ему имущества, все равно каждую минуту он мог ждать приказа связать свой узел и убираться прочь. И он не смел даже пытаться оказать сопротивление; дом превращался для него в ад, и ему не оставалось ничего другого, как вернуться в свой собственный клан (род).

L. H. Morgan. Ancient Society, London, 1877, p. 455

Если рассматривать вечером с улицы освещенные окна домов, жизнь людей в них представляется ясной, как на ладони. Вон на открытом балконе прикреплены детские санки и велосипед. Здесь живут любители подвижного отдыха, и хотя их дети уже давно выросли и уехали из дома, санки и велосипед будут висеть на этом балконе до окончания века. Во-первых, потому, что в квартире очень маленькая кладовка, а во-вторых, все это богатство может пригодиться кому-нибудь еще: не внукам, так знакомым, не знакомым, так все равно – висит, хлеба не просит. Другой балкон в этом же доме, превращенный в лоджию хозяином побогаче, аккуратно обит импортной вагонкой, выкрашен в натуральный желто-коричневый цвет. Там уместился не только умело сколоченный шкафик, но еще и маленький столик, и табуретка. Хозяин дома обожает сидеть на лоджии летними вечерами, пить пиво и курить, сбрасывая пепел на высаженные на нижнем этаже настурции. Когда соседка снизу сушит на своем балконе белье, он прожигает ей пеплом простыни или пачкает наволочки, опрокидывая набитую пепельницу, но на эти пустяки, кроме самой пострадавшей стороны, мало кто обращает внимание. Так и живут своей самостоятельной жизнью по вечерам в однотипных квартирах за совершенно разными окнами люди. И все это носит скорее признаки пофигистского восточного быта, чем аккуратную упорядоченность городов европейской цивилизации.

Вот и этим вечером в кухонном окне на третьем этаже обычной панельной девятиэтажки горел уютный желто-розовый свет. Польский абажур, сделанный в стиле готического витража – растительный орнамент, цветы и бабочки из желтого, розового и зеленого стекла, – был опущен над столом настолько, чтобы давал яркое освещение и в то же время не биться об него головой. Невысокая женщина чистила картофель у раковины и время от времени проверяла кончиком пальца степень размороженности двух недавно купленных рыбин, оценивая таким образом их готовность оказаться на сковороде. Две толстые темно-серые камбалы, истекая, оттаивали в тазике, теряли холодную недоступность и превращались из пусть и замороженных, но гордых обитателей морских глубин в банальный продукт питания, предназначенный на ужин. Вот во входной двери щелкнул ключ, поворачиваясь в замке, и сам хозяин вошел в квартиру, поставив свой потертый, но вполне еще пристойный кожаный портфель на ящик для обуви.

– Юрик, это ты?

Настя бросила недочищенную картофелину в раковину и вышла в прихожую, мельком взглянув на себя в зеркало. Пикантность ее внешности заключалась в нескольких темных

родинках, разбрызганных природой по лицу и шее. Зеленые глаза и смуглая кожа в сочетании с аккуратным носиком и довольно крупным ртом создавали впечатление опасного очарования, какое придают сказочники колдуньям вроде Хозяйки Медной горы. Однако с колдуньями этими надлежит держать ухо востро: чуть-чуть зазеваешься или скажешь что-нибудь неприятное – будешь потом бегать по лесу всю жизнь на четырех лапках, превращенный их озорством в мышку или бойкого лягушонка. Возможно, недаром ужасный король Англии Генрих VIII велел отрубить голову своей второй жене Анне Болейн, предварительно обвинив ее в колдовстве, – точно такие же родинки, как у Насти, носила несчастная Анна на своем королевском личике и шейке.

– Ты еще кого-нибудь ждешь? – В полумраке коридора неясно блеснули стекла Юриных очков, и распространился уже порядочно выветрившийся за день запах знакомого мужского одеколona.

– Мне никто не нужен, кроме тебя! – Настя привычно подставила щеку для поцелуя. – Скорей рассказывай, получилось ли устроиться на новую работу? По телефону было плохо слышно, да ты и сказал мне всего два слова.

– Тебе непременно нужно было поступать в педагогический. – Юра с усталым видом снимал в прихожей пальто. – Когда ты задаешь мне вопросы, я чувствую, будто меня снова вызывают к доске.

– Не выдумывай! – Настя вернулась к раковине и взялась за картошку. – Нормально я задаю вопросы. Не хуже и не лучше, чем у других. Но ты не ответил. Ты ходил к Артуру Сергеевичу или нет?

– Ходил.

– И с каким результатом?

Юра повернулся к Насте спиной, чтобы повесить пальто и снять ботинки.

– Чем у нас так вкусно пахнет?

– Пока еще ничем. Я долго буду ждать вразумительного ответа?

На это Юра порылся в портфеле и вытащил сложенный вдоль уже довольно потертый журнал.

– Обрати внимание, как советует разговаривать с мужчинами одна известная актриса. Где это напечатано? Сейчас найду. Вот слушай: «Мужчина постоянно сравнивает свою жену с другими женщинами. Поэтому в семье очень важно делать все, чтобы мужчина хотел быть именно с тобой. Если он сделал на три копейки, хвалите на пять рублей, и тогда он действительно сделает что-нибудь выдающееся».

– Все ясно. – Настя с раздражением бросила картофелину в раковину. – Тебя не приняли, и ты заговариваешь мне зубы. Все мои усилия сделать из тебя человека в очередной раз пошли насмарку. – Настя резко повернулась, забыв, что она не на каблуках, и правая тапочка при этом резко слетела у нее с ноги.

– Человек – это звучит гордо! – Юра, сложив на груди руки, будто собачка, несущая поноску, поднял и положил тапочку Насте под ногу. – Гав-гав!

– Как надоело мне твое дурачество! – Настя оперлась руками о раковину и говорила, уже обращаясь к плавающим в воде картофелинам, а вовсе не к Юре. – Ты молодой, здоровый, способный! С хорошим образованием, чувством юмора, приятной внешностью! Ты давно мог бы сделать прекрасную карьеру! Почему ты позволяешь себе равнодушно плыть по течению? Почему спокойно смотришь, как жизнь проходит мимо тебя? Почему тебя устраивает растительное существование?

Юра встал с корточек, чуть сгорбившись, подошел к окну. Сотни освещенных кухонь и комнат смотрели в его окно, словно спрашивали, чем же все это закончится.

– Моя жизнь меня устраивает, – сухо сказал он. – Возможно, я не тот человек, который мог бы сделать тебя счастливой. Поэтому я предлагал тебе не раз: давай разойдемся, разведемся по нашим квартирам, поживем в одиночестве хотя бы какое-то время!

Настя отряхнула руки, подошла к нему, заглянула в глаза, и он в который раз отметил красивый излом ее бровей. Удивительно, но этот излом его больше не волновал.

– Я молодая женщина. – Голос Насти теперь звучал скорее жалобно, чем напористо. – Пойми меня! Было бы хорошо иметь виллу на Канарских островах или дом на Рублевском шоссе, но я понимаю, что нам это недоступно. Я и не требую многого. Но почему ты не хочешь приложить никаких усилий для того, чтобы оставить свой институт, в котором ты только и делаешь, что треплешься на занятиях со студентами о всякой ерунде и почти не занимаешься наукой, и попробовать себя в другом деле! Неужели тебе будет хуже, если вместо очень средней по нынешним временам зарплаты ты станешь получать гораздо больше? Мы сможем тогда поехать отдыхать куда-нибудь в Европу, купим новую мебель, машину и будем жить как современные люди! И в конце концов – она, как кошка, потерлась щекой о его плечо, – мы еще не поженились с тобой, чтобы уже расходиться...

В этом разговоре для Юры не было ничего нового – все это он слышал уже тысячу раз. Но каждый раз невольно он опять оказывался втянутым в обсуждение одной-единственной проблемы: почему они не могут жить как все нормальные, современные люди.

– Ну чем тебе плохо живется, я не понимаю! – Он отстранился от Настиного лица и даже отошел на шаг, чтобы таким образом сохранить хоть какое-то подобие самостоятельности. – Я зарабатываю достаточно, чтобы не голодать, покупать книги и быть более-менее прилично одетым. Твоего заработка для тебя тоже хватает. Почему я должен корпеть на работе целый день? Я люблю быть дома, люблю готовить еду. Если хочешь знать, даже мыть полы в собственной квартире доставляет мне удовольствие! Мне нравится никуда не спешить, проводить по несколько часов в неделю в букинистических магазинах, лежать на диване и читать книги. Неужели человек не может себе позволить жить так, как он хочет? В конце концов, я рад, что ты зарабатываешь больше меня, но я же не беру у тебя твои деньги! – Вода наполнила раковину до краев и угрожала выплеснуться на пол, затопив соседей снизу. Юра подскочил и закрутил кран. – Кстати, что ты собираешься делать с этой камбалой?

– Кстати, почему, когда я пытаюсь серьезно поговорить с тобой о жизни, ты все время переводишь разговор на другую тему?

– Давай я лучше пожарю рыбу! Сядь и расслабься! – Юра снял пиджак и засучил рукава рубашки. Ему не хотелось фантазировать, но он хотел забыть их разговор. – Представь себе палубу белого корабля где-нибудь в Атлантике, на борту которого написано незнакомое название, какая-нибудь «Королева Мария»... Сушатся рыболовные снасти, на ярком солнце на корме возле электрической плитки возится грузный бородатый человек в холщовом фартуке и жарит только что пойманную камбалу. Я будто чувствую аромат жареной рыбы! По-моему, у нас еще оставалось немного вина, ты не помнишь? Посмотри в холодильнике!

– Не знаю, как на корабле, а в моей семье было принято, чтобы папа зарабатывал деньги, а мама возилась на кухне, – вздохнула Настя. – Но если тебе так хочется, пожалуйста, жарь!

Она отошла от плиты и села за стол, рассеянно развернула журнал, брошенный Юрой. А тот с видимым удовольствием вымыл картошку и взялся за рыбу.

– Тебе надо было бы стать поваром! Или женщиной, – сказала Настя в Юрину спину и перевернула страницу. «Если супруг слаб в постели, мало зарабатывает, но хороший отец для детей и отлично готовит, лучше самой наладить погоду в доме...» Еще одно компетентное мнение.

Настя встала и достала из холодильника бутылку вина. Анапское вино отличалось вполне приличным качеством и доступной ценой. Но Насте хотелось другого. Французского, испанского, на худой конец – аргентинского. Даже кьянти, вино итальянских крестьян и немного-

численного пролетариата, связки пузатых бутылок которого громоздились у входа в таверны, кьянти, очень, кстати, напоминающее вкусом краснодарское каберне, казалось ей романтическим напитком богатых людей. Но кьянти в наличии не было, поэтому Настя налила в стакан российский продукт.

– К рыбе лучше подходит белое вино, но к камбале и сухое красное тоже неплохо, – мимоходом заметил Юра. Он был сейчас озабочен тем, как перевернуть на другую сторону уже поджаренную с одного бока рыбину, чтобы она не развалилась.

– Послушай, ты был хорошим отцом своему сыну? – вдруг задумалась Настя над прочитанным отрывком статьи.

– Надеюсь, что да, – отозвался Юра, удивившись такому вопросу. – Во всяком случае, мне больше нравилось дома нянчить ребенка, чем уходить от него на работу. Я очень протестовал, когда сына отдали в ясли. Он сильно болел, но жена хотела работать, а работала она в банке и так же, как ты, заставляла меня реально смотреть на вещи.

– Но ты не соглашался, и поэтому вы развелись, – подвела итог Настя.

Юра ловко и аккуратно перевернул-таки камбалу.

– Развелись мы, когда мальчика увезли жить в другой город к бабушке и дедушке, и нам с женой стало совершенно нечего делать вдвоем. Она все чаще засиживалась на работе, потом вообще перестала приходить домой ночевать, и тогда я вернулся сюда, в мою маленькую квартирку, где мне никто не мешал читать и до двенадцати валяться в постели в те дни, когда занятия в институте были в послеобеденное. А потом я встретил тебя...

– И вот я опять гоню тебя на работу!

– Сделай соответствующие выводы! – Юра полюбовался безупречно поджаренной камбалой, выложил ее на блюдо и сбрызнул лимонным соком. – Картошка тоже готова, прошу к столу!

Юра поставил приборы, положил еду на тарелки и отобрал у Насти журнал.

– Поешь, может, будешь добрее! – Он выпил вина и стал есть с видимым удовольствием, смакуя каждый кусочек и даже тихонько причмокивая.

У Насти совершенно не было аппетита. Чуть поковыряв вилкой рыбу, она даже не приоткрыла рот к картофелю и снова с сердитым видом взялась за журнал.

– Имей в виду, настоящие кулинары обижаются, когда люди за столом плохо едят, – заметил ей Юра, покончив с рыбой, и встал, чтобы заварить в настоящем фарфоровом чайнике чай.

– Раз уж ты начал зачитывать мне различные мнения по поводу семейной жизни, позволь я продолжу чтение вслух, – не без ехидства заметила Настя и подняла журнал повыше к свету. – Вот высказывается еще одна известная актриса: «Женщина должна сообщать мужу только то, что ему будет приятно услышать, не повышать голоса, быть мягкой, нежной... Кто-то скажет, что это лицемерие. Да, так и есть, но без этого не получается семейная жизнь...»

Настя прищурила колдовские глаза и зло посмотрела на Юрину спину. Насыпав заварку и налив кипятка, Юра поставил чайник на стол и только после этого, тоже с раздражением, посмотрел на подругу.

– Это ты о чем?

Настя притворно вздохнула:

– Да все о том же. Как здесь и написано, ежедневно не устаю повторять, какой ты замечательный, способный, красивый – только с тебя это все скатывается, как с гуся вода. Не действует ничего! Возьмись же за ум наконец! Тебе уже тридцать восемь! Пора наконец превратиться в мужчину.

– А мужчина – это тот, кто зарабатывает деньги?! Я правильно понимаю? – Юра сказал это тихо, но с достаточно различной угрозой.

Настя сделала вид, что ее не поняла.

– Спроси на улице у ста женщин, и все как одна тебе ответят: женщине предназначено природой вести семью, растить детей. Мужчина должен быть охотником, то есть добывать пищу, а в нашем понимании пища – это деньги. Останови на улице сто мужчин – и получишь тот же ответ. Я не открыла Америку. Так считают все современные люди, а ты элементарно не хочешь бороться со своей ленью. Читать книжки гораздо легче, чем взять в свои руки какое-нибудь настоящее дело.

Юра поставил чайник назад на плиту и снова подошел к окну. В доме напротив в одном из окон погас свет. «Интересно, что это там за комната? – подумал он. – Неужели спальня? И муж с женой вместе так рано ложатся спать?» Он ужаснулся возможности улечься в постель рядом с Настей и быстро задернул занавеску, будто Настя могла как-нибудь угадать его крамольные мысли.

– Ну что ты там стоишь? Изображаешь, что обиделся? – В ее голосе звучали нотки, с какими обычно разговаривают няни со своими воспитанниками. – Боже, какие все мужчины недотроги! Иди лучше пить чай!

– А может быть, я – женщина? – Юра повернулся от окна, и Настя увидела, что он над ней издевается. Она разозлилась. Подняла вверх руку и, вытянув указательный палец, противно затрясла им.

– Неужели ты не можешь понять, что я хочу, чтобы тебе самому было лучше?

– По-твоему, хорошее самочувствие бывает у человека, только когда у него имеется кругленький счет в банке?

– Ну не надо делать вид, что ты слышишь о материальном мире первый раз в жизни! – Настя решила все-таки довести разговор до победного конца. Раньше ей всегда удавалось одерживать над Юрой верх. Во всяком случае, обычно именно он шел первым на примирение, и хоть в их жизни оставалось все по-старому, по крайней мере Юра не спорил с ней, уж если и не соглашался. Теперь же женским чутьем она уловила, что он ускользает из-под ее влияния.

– Ну хватит, черт побери, меня учить! – Юра прошел в коридор, вернулся оттуда в кухню, снова прошел назад и вдруг, будто решившись на что-то, совершенно неожиданно стал надевать ботинки. – Если ты хочешь знать, – он уже кричал из коридора, – я ходил сегодня к этому твоему Артуру Сергеевичу! И он взял меня на работу! Вопреки всем твоим прогнозам! Правда, пока на три месяца, сказав, что это испытательный срок.

– Так что же ты молчал? – Настя тоже вышла из-за стола и невозмутимо наблюдала, как он, торопясь, засовывает правую ногу в левый ботинок.

– Мне надоело отчитываться перед тобой! Ты мне не мать, и я ухожу от тебя!

– Я тебе практически жена! Мы с тобой живем вместе уже не первый год, и у нас общее хозяйство. Мы же скидываемся с тобой на расходы!

– А если жена, то вот здесь написано... – Юра в ярости побежал в одном ботинке в кухню и схватил со стола пресловутый журнал. – Где это я видел, черт побери?! Ага! Вот здесь! – Он потряс растерзанными страницами перед Настиним лицом. – Разрешите з-з-зачитать!

Она немного отстранилась от него и поморщилась.

– Вот смотри, пишет депутат Государственной думы! Женщина, между прочим! – Юра так разволновался, что стал срываться на визг. – «Муж говорит: «Я пришел с работы, я устал, сейчас начнется футбол, дай я лягу на диван, иди готовь ужин!» Умная жена скажет ему: «Ложись, дорогой!» Незамужние женщины всегда говорят, когда видят, как их семейные подруги общаются со своими мужьями: «Ой, что ты с ним так сюсюкаешься?» Вот поэтому они и не замужем!» – Юра бросил журнал на пол и наконец сообразил, что надо поменять местами ботинки.

Настя спокойно сложила руки на груди:

– Скажи, а откуда этот муж пришел домой? С работы или из букинистического магазина?

Юра в ответ сдернул с плечиков свое пальто.

– Это не имеет никакого значения! Главное, чтобы его любили таким, каков он есть! И запомни, дорогая! – В ярости он даже негромко постучал кулаком в стенку. – Сегодня я опять пойду ночевать к маме, а завтра с утра, будь добра, оставь на столе ключи от моей квартиры.

– Что еще за глупости! – покачала головой Настя. – Надеюсь, ты понимаешь, что люди не расстанутся вот так, ни с того ни с сего. Я слишком много вложила в тебя сил, чтобы все бросить!

Юра, уже в пальто, взялся за ручку двери, но вдруг вернулся и сделал шаг к Насте. Выражение лица было у него таким необычным, что она удивилась: «Откуда это у него прыть взялась? В обычное время тюфяк тюфяком, а тут вдруг зачирикал воробышком!»

– Ты меня достала! Если хочешь знать, мне уже давно гораздо больше хочется ночевать у матери, чем у себя дома!

– Очевидно, Елена Сергеевна до сих пор укладывает тебя в кроватку и поет на ночь песенки!

– Не смей задевать мою мать! И верни завтра ключи от квартиры! Ты слышишь? Я не шучу! – Как бы он ни был зол, Юра не мог выгнать Настю из своей квартиры на ночь глядя.

– Да оставлю я тебе ключи, что ты так раскипятился? У меня есть и свое жилье. – Настя поджала губы, не собираясь рассказывать Юре, что собственную небольшую квартирку она сдает внаем с тех самых пор, как поселилась у него. Не пошевелившись, женщина стоически выдержала громкий стук захлопнувшейся за ним двери. Постояв еще пару минут в коридоре и обдумывая ситуацию, она убедилась, что Юра сегодня вряд ли вернется, и снова прошла в кухню.

«Я объясняю эту его дурацкую вспышку только одним, – сказала она себе, усевшись спокойно допивать уже остывший чай. – Ему сделали слишком лестное предложение. От этого его самооценка резко повысилась, и мои слова вызвали в нем раздражение». Этот вывод не помешал Насте аккуратно перемыть всю посуду и принять ежевечернюю ванну с ароматической ампулой – женщина любила следить за своей внешностью и здоровьем.

«Не надо бояться! – заключила она, надевая после ванны пушистый халат. – Я несколько не хуже других. И лучше многих! – Она с удовольствием покрутилась перед зеркалом. – Надо только чуть-чуть похудеть!» С этими планами Настя спокойно отправилась в постель. Уходя утром на работу, она даже и не подумала оставить Юре ключи.

6

Какой должна быть идеальная женщина? (Возможны несколько вариантов ответа)

привлекательной – 48 %;

любить детей – 44 %;

хозяйственной – 31 %;

доброй – 22 %;

верной – 22 %;

сексуальной – 19 %;

умной – 17 %;

без вредных привычек – 8 %;

умеющей добывать деньги – 5 %.

По данным Института комплексных социологических исследований РАН

– Чем теперь интересуется молодое поколение? – Кирилл восседал во главе стола, а обе женщины – Нина и Пульсатилла – по бокам от него. Таня, перед приходом Кирилла категорически требовавшая водки, теперь передумала и с меланхолическим видом тянула из бокала сухое вино. Кирилл изображал галантного кавалера и, как всегда, предпочитал всем другим напиткам коньяк. Чувствовалось, что он ощущает себя комфортно. Он пытался острить, говорить Нине с Таней по очереди комплименты, рассказывал о своих новых производственных победах. Нина, глядя на него, чувствовала непреодолимое желание напиться.

– По кремлевской диете водка предпочтительнее шампанского и коньяка, – сказала она. – Налейте мне водки!

Кирилл услужливо наполнил ей рюмку. Нина выпила залпом.

«Пять лет назад, когда мы встречались таким же составом плюс француз Шарль Готье, Кирилл был совсем не таким... Грубым, нервным. Да, это случилось перед его романом с Лизой... А Танька тогда как дура влюбилась в этого Шарля. Интересно, после него у нее был кто-нибудь? Себе на уме эти французы...» Нина задумалась, вспоминая подробности того времени, и опомнилась только тогда, когда услышала возбужденный голос Пульсатиллы:

– Интересуется молодое поколение всегда одним и тем же: любовью, переходящей в секс. А вот что они теперь изучают – настоящий кошмар!

Кирилл изобразил внимательного слушателя.

«Танька села на своего любимого конька. – Нина выпила еще полрюмки. – О преподавании литературы она может разглагольствовать часами. Теперь о поддержании общей беседы можно не беспокоиться».

– Там, в Министерстве образования, все с ума посходили! – доверительно сообщила Пульсатилла. – В одиннадцатом классе Ахматову, Цветаеву, Гумилева, Блока, Есенина и Маяковского впихнули чуть не в два часа! «Поднятую целину» не проходим. Зато рекомендуют к изучению белогвардейщину, эмиграцию и так называемую современную литературу.

– Может, это и правильно? – отозвался Кирилл. – Теперь даже праздник есть – День всеобщего примирения, так почему же «красную» литературу надо изучать, а «белую» – нет? Изучать – так уж все подряд.

– Я не за «красную» или «белую» литературу, – чуть не колотя себя кулаком в грудь, стала ему доказывать Танька, – я за хорошую литературу! За книги, проверенные временем! А ты посмотри, что рекомендуют читать школьникам некоторые оголтелые педагоги-новаторы...

– Неужели Дэна Брауна? – просто так, без особенного интереса, вставила Нина.

– Не Дэна Брауна, но тоже слава богу! – с возмущением повернулась к ней Татьяна. – Джона Фаулза, например, или Коэльо с Мураками... Школьники Диккенса не читали, фамилию Голсуорси не слыхивали, но Джона Фаулза им подавай!

– Кому сейчас интересен Диккенс? – с умным видом пожал плечами Кирилл.

– А что написал Джон Фаулз? – поинтересовалась Нина.

– Ой, деревня! – Пульсатилла картинно схватилась за голову. – С вами разговаривать – только нервы трепать! «Подругу французского лейтенанта» он написал! В свое время очень нашумевшую книгу. А после нее еще целый вагон толстенных романов.

– Обижаешь, я кино видел! – вступился Кирилл. – В нем еще американка знаменитая играет, с длинным носом. У нее, я читал, то ли пятеро детей, то ли семеро...

– Профессионализм от количества детей не зависит! А актрису эту зовут Мэрил Стрип, – сказала Нина, которая, как оказалось, тоже смотрела фильм. Может, вместе с Кириллом когда-то и смотрела.

– Еще как зависит! – с жаром продолжила свою партию Пульсатилла. – Попробуй-ка развивать свой профессионализм, когда у тебя две белки на кухне с утра до вечера крутятся и ежесекундно хотят есть! Только задумаешь что-нибудь сделать, куда-нибудь пойти, в ту же библиотеку или на встречу с писателем, так обязательно что-нибудь натворят! Или заболеют, или двойки получат, или...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.